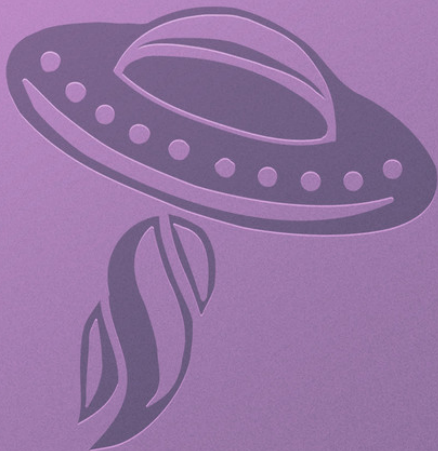

Валерий Брюсов

Гора Звезды

Валерий Яковлевич Брюсов

Гора Звезды

«Небосвод был темно-синим, звезды крупными и яркими, когда я открыл глаза. Я не шевельнулся, только рука, и во сне сжимавшая рукоятку кинжала, налегла на нее сильнее... Стон повторился. Тогда я приподнялся и сел. Большой костер, с вечера разложенный против диких зверей, потухал, а мой негр Мстега спал, уткнувшись в землю...

– Вставай, – крикнул я, – бери копье, иди за мной!

Мы пошли по тому направлению, откуда слышны были стоны. Минут десять мы блуждали наудачу. Наконец я заметил что-то светлое впереди...»

Содержание

Посвящение	0006
1	0007
2	0011
3	0018
4	0024
5	0028
6	0034
7	0040
8	0045
9	0051
10	0056
11	0062
12	0067
13	0073
14	0078
15	0083
16	0089
17	0095
18	0101
19	0106
20	0112
21	0119
22	0125
23	0131
24	0136

25.....	0141
26.....	0145
Заключение.....	0150

Валерий Брюсов

Гора Звезды

Посвящение

Вступая десять лет назад в пустыню, я верил, что навсегда расстался с образованным миром. Взяться за перо и писать воспоминания заставили меня события совершенно необыкновенные. То, что я видел, быть может, не видел никто из людей. Но еще больше пережил я в глубине души. Мои убеждения, казавшиеся мне неколебимыми, разрушены или потрясены. С ужасом вижу, как много властной истины в том, что я всегда презирал. У этих записок могла бы быть цель: предостеречь других, подобных мне. Но, вероятно, они никогда не найдут читателя. Пишу их соком на листьях, пишу в джунглях Африки, далеко от последних следов просвещения, под шалашом бечуана, слушая немолчный грохот Мози-оа-Тунья[1]. О великий водопад! Красивейшее, что есть на свете! В этой пустыне один ты, быть может, постигаешь мои волнения. И тебе посвящаю я эти страницы.

Селение. 9 августа 1895 г.

Небосвод был темно-синим, звезды крупными и яркими, когда я открыл глаза. Я не шевельнулся, только рука, и во сне сжимавшая рукоятку кинжала, налегла на нее сильнее... Стон повторился. Тогда я приподнялся и сел. Большой костер, с вечера разложенный против диких зверей, потухал, а мой негр Мстега спал, уткнувшись в землю...

– Вставай, – крикнул я, – бери копье, иди за мной!

Мы пошли по тому направлению, откуда слышны были стоны. Минут десять мы блуждали наудачу. Наконец я заметил что-то светлое впереди.

– Кто лежит здесь без костра? – окликнул я. – Отвечай, или буду стрелять. – Эти слова я сказал по-английски, а потом повторил на местном кафрском наречии[2], потом еще раз по-голландски, по-португальски, по-французски. Ответа не было. Я приблизился, держа револьвер наготове.

На песке в луже крови лежал человек, одетый по-европейски. То был старик лет шести-

десяти. Все тело его было изранено ударами копий. Кровавый след вел далеко в пустыню; раненый долго полз, прежде чем упал окончательно.

Я приказал Мстеге развести костер и попытался привести старика в чувство. Через полчаса он начал шевелиться, ресницы его приподнялись, и на мне остановился взор, сначала тусклый, потом прояснившийся.

– Понимаете ли вы меня? – спросил я по-английски. Не получив ответа, я повторил вопрос на всех знакомых мне языках, даже по-латыни. Старик долго молчал, потом заговорил по-французски:

– Благодарю вас, друг мой. Все эти языки я знаю, и если я молчал, то по своим причинам. Скажите, где вы меня нашли?

Я объяснил.

– Почему я так слаб? Разве мои раны опасны?

– Вам не пережить дня.

Едва я произнес эти слова, умирающий весь затрепетал, губы его искривились, костлявые пальцы впились в мою руку. Его мерная речь сменилась хриплыми криками.

– Не может быть!.. Не теперь, нет!.. у пристани!.. вы ошиблись.

– Возможно, – холодно сказал я.

– Пусть господин погодит, – глухо просто-на-на он, – колдун скажет все, он слышал об этом от отцов еще мальчишкой. Там, посреди Проклятой пустыни, стоит Гора Звезды, высокая, до неба. В ней живут демоны. Иногда они выходят из своей страны и пожирают младенцев в краалях. Кто идет в пустыню, тот погибнет. И говорить о ней нельзя...

С меня было довольно. Я опустил винчестер и медленно прошел среди оторопелой толпы в отведенную мне хижину. Остаться в деревне на ночь казалось мне небезопасным. Кроме того, я понимал, что по Проклятой пустыне можно было идти только ночью. Я приказал Мстеге готовиться в дорогу. Мы взяли с собой запас воды дней на пять, немного провизии и все необходимое для шалаша, чтобы было куда укрываться от зноя. Всю ношу я разделил на два равных вьюка, себе и Мстеге. Затем послал сказать начальнику племени, что мы уходим. Провожать нас вышла вся деревня, но все держались

в значительном отдалении. До границы пустыни я шел, весело насвистывая. Взошел месяц. Грани пластов причудливо засветились под лунными лучами. В это время я услышал чей-то голос. Обернувшись, я увидел, что колдун выступил из толпы вперед и тоже стоял на границе пустыни. Протянув руки в нашу сторону, он отчетливо произносил установленные слова. То было заклятие, обрекавшее нас духам-мстителям за то, что мы тревожим спокойствие пустыни.

Луна стояла еще невысоко, и длинные тени от рук колдуна тянулись за нами в пустыню и долго с упорством цеплялись за наши ноги.

В тот же день к вечеру я начал путешествие, Обещанное старику. Карта той части Африки, еще почти не исследованной, была мне известна много лучше, чем любому европейскому географу... Подвигаясь вперед, я все настойчивей собирал сведения о той местности, куда направлялся. Сначала только самые сведущие могли отвечать мне, что там лежит особая Проклятая пустыня. Потом стали встречаться лица, знавшие об этой пустыне разные сказания. Все говорили о ней неохотно. Через [несколько] дней пути мы пришли в страны, соседние с Проклятой пустыней. Здесь ее знали все, все ее видели, но никто не бывал в ней. Прежде выискивались смельчаки, вступавшие в пустыню, но, кажется, из них не возвратился никто.

Мальчик, взятый мною как проводник, довел нас до самой пустыни ближайшими тропинками. За лесом путь шел через роскошную степь. К вечеру мы дошли до временной деревушки бечуанов, раскинутой уже у самого рубежа пустыни. Меня встретили почти-

тельно, отдали мне особую хижину и прислали в подарок телку.

Перед закатом солнца, оставив Мстегу сторожить имущество, я пошел один посмотреть на пустыню. Ничего более странного, чем граница этой пустыни, не видел я за свою скитальческую жизнь. Растительность исчезла не постепенно: не было обычной переходной полосы от зелени лугов к бесплодной степи. Сразу на протяжении двух-трех саженей пастбище обращалось в безжизненную каменистую равнину. На тучную почву, покрытую тропической травой, вдруг налегали углами серые не то сланцевые, не то солончаковые пласты; громоздясь друг на друга, они образовывали дикую зубчатую плоскость, уходившую вдаль. На этой поверхности змеились и тянулись трещины и расселины, часто очень глубокие и до двух аршин шириною, но сама она была тверда как гранит. Лучи заходящего солнца отражались там и сям от ребер и зазубрин, слепя глаза переливами света. Но все же, внимательно вглядываясь, можно было различить на горизонте бледно-серый конус, вершина которого сверкала, как звез-

да. Я вернулся в крааль задумчивый. Скоро меня окружила толпа: собрались посмотреть на белого человека, идущего в Проклятую пустыню. В толпе заметил я и местного колдуна. Вдруг, подступив к нему, я направил дуло винчестера в уровень с его грудью. Колдун окаменел от страха; видно, ружье ему было знакомо. А толпа отхлынула в сторону.

– А что, – спросил я медленно, – знает ли отец мой какие-либо молитвы перед смертью?

– Знаю, – нетвердо отвечал колдун.

– Так пусть он их читает, потому что сейчас умрет.

Я щелкнул курком. Негры вдалеке испустили вопль.

– Ты умрешь, – повторил я, – потому что скрываешь от меня, что знаешь о Проклятой пустыне.

Я наблюдал на лице колдуна смену настроений. Его губы кривились, на лбу то сдвигались, то раскрывались морщины. Я положил палец на «собачку». Могло случиться, что колдун действительно не знает ничего, но через мгновение я спустил бы курок. Вдруг колдун

повалился наземь.

– Просто я потерял много крови.

Я улыбнулся:

– Вы продолжаете ее терять; мне не удалось остановить кровотечение.

Старик стал плакать, молил спасти его. Наконец у него горлом пошла кровь, и он опять потерял сознание. Очнувшись во второй раз, он был снова спокоен.

– Да, я умираю, – сказал он, – вы правы. Тяжело это теперь. Но слушайте. Судьба сделала вас моим наследником.

– Я ни в чем не нуждаюсь, – возразил я.

– О, не думайте, – перебил старик, – дело идет не о кладе, не о деньгах. Здесь другое. Я владею тайной.

Он говорил торопливо, сбивчиво; то начинал рассказывать свою жизнь, то перескакивал к последним событиям. Многого я не понял. Вероятно, большинство на моем месте сочло бы старика помешанным. С детства его увлекала мысль о межпланетных сношениях. Он посвятил ей всю жизнь. В разных научных обществах делал он доклады об изобретенных им снарядах для полета с Земли на дру-

гую планету. Его везде осмеяли. Но небо, по его выражению, хранило награду его старости. На основании каких-то замечательных документов он убедился, что вопрос о межпланетных сношениях уже был решен именно жителями Марса. В конце XIII столетия нашего летосчисления они послали на Землю корабль. Корабль этот опустился в Центральной Африке. По предположению старика, на этом корабле были не путешественники, а изгнанники, дерзкие беглецы на другую планету. Они не занялись исследованием Земли, а постарались только устроиться поудобнее. Оградив себя от дикарей искусственной пустыней, они жили в ее середине отдельным самостоятельным обществом. Старик был убежден, что потомки этих переселенцев с Марса до сих пор живут в той стране.

– Есть у вас точные указания места? – спросил я.

– Я вычислил приблизительно долготу и широту... ошибка не больше десяти минут... может быть, четверть градуса...

Все случившееся со стариком после и нуж-

но было ожидать. Не желая делиться успехом, он сам отправился на исследования...

– Вам, вам поручаю я мою тайну, – говорил мне умирающий, – возьмитесь за мое дело, окончите его во имя науки и человечества.

Я засмеялся:

– Науку я презираю, человечества не люблю.

– Ну ради славы, – сказал старик с горечью.

– Полноте, – возразил я. – На что мне нужна слава? Но я все равно блуждаю по пустыне и могу из любопытства заглянуть в ту страну.

Старик зашептал обиженно:

– Мне нет выбора... Пусть будет так... Но поклянитесь, что вы сделаете все возможное, чтобы пройти туда... что только смерть вас остановит.

Я опять засмеялся и произнес клятву. Тогда умирающий со слезами на глазах произнес дрожащим голосом несколько цифр – широту и долготу. Я отметил их на прикладе ружья. Вскоре после полудня старик умер. Последней его просьбой было, чтобы я упомянул его имя, когда буду писать о своем путешествии. Исполняю эту просьбу. Его звали Maurice

Cardeaux.

Далеко не все трудности пути предвидел [я], двступая в Проклятую пустыню. С первых же шагов почувствовали мы, как тяжело идти по этой каменистой, растрескавшейся почве. Ногам было больно ступать по зазубринам пластов; игра лунного света обманывала глаз, и ежеминутно мы могли оступиться в расщелину. В воздухе стояла тонкая пыль, резавшая глаза. Однообразие местности было таково, что мы постоянно сбивались с прямого направления и кружили: идти приходилось по звездам, потому что абрис Горы не был виден во мраке. Ночью можно было идти еще бодро, но, как только всходило солнце, нас охватывал нестерпимый зной. Почва быстро раскалялась и жгла ноги сквозь обувь. Воздух становился огненным паром, как над растопленной плитой, — мучительно было дышать. Приходилось наскоро разбивать палатку и под ней лежать до вечера, почти не двигаясь.

Этой Проклятой пустыней мы шли шесть суток. Вода, бывшая у нас в мехах, очень

быстро испортилась, пропахла кожей, сделалась отвратительной на вкус. Такая вода почти не удовлетворяла жажды. К третьему утру у нас оставался очень маленький остаток ее, мутные последки на дне меха. Я решил поделить этот остаток между нами до конца, так как днем он испортился бы окончательно. В тот же день начались обычные мучения жажды: заболело горло, язык стал жестким, большим, являлись быстро исчезающие миражи. Но четвертую ночь мы еще шли без остановки. Мне казалось, что Гора Звезды близко, что к ней ближе, чем назад, к границе пустыни. Утром, однако, я увидел, что силуэт Горы почти не вырос, все так же недоступен. В этот четвертый день мной окончательно овладел бред. Мне стали грезиться озера в пальмовых оазисах, стада антилоп на берегу и наши русские речки с заводами, где ивы купают плакучие ветви, мне грезился месяц, отраженный в море, раздробленный в волнах, и отдых в лодке за прибрежной скалой, где вечно волнуется прибой, вал набегает за валом, пенится и высоко встает брызгами. Во сне оставалось смутное сознание, оно гово-

рило, что все эти картины – призрак, что они мне недоступны. Я жаждал не грезить, победить свой бред, но на это сил не хватало. И это было мучительно... Но едва солнце закатилось и настала мгла, я вдруг очнулся, вдруг встал, как лунатик, словно на тайный зов. Мы уже не собрали палатку, так как не могли нести ее. Но мы шли опять вперед, упорно тянулись к Горе Звезды. Она влекла меня как магнит. Мне начинало казаться, что жизнь моя тесно связана с этой Горой, что я должен, должен и против воли идти к ней. И я шел, временами бежал, сбивался с пути, опять находил его, падал, вставал и шел снова. Если Мстеге отставал, я кричал на него, грозил ему ружьем. Взошел убывающий месяц и осветил конус Горы. Я приветствовал Гору восторженной речью, протягивал к ней руки, умолял помочь мне, и опять шел, и опять шел, уже без отчета, слепо...

Ночь миновала, справа от нас выкатилось красное солнце. Звезда на вершине Горы загорелась ярко. У нас уже не было палатки, я крикнул Мстеге, чтобы он не останавливался.

Мы продолжали идти. Вероятно, около по-

лудня я упал, побежденный зноем, но продолжал подвигаться ползком. Я бросил револьвер, охотничьи ножи, заряды, куртку. Долго я тащил за собой мой верный винчестер, но потом бросил и его. Я полз опухшими ногами по раскаленной почве, цепляясь окровавленными руками за острые камни. Перед каждым новым движением мне казалось, что оно будет последним, что еще одного я не буду в состоянии сделать. Но в моем сознании была только одна мысль: надо идти вперед. И я полз даже среди бреда, полз, выкрикивая невнятные слова, разговаривая с кем-то. Однажды я занялся ловлей каких-то жуков и бабочек, которые, как мне казалось, сновали вокруг меня. Приходя в себя, я отыскивал взором силуэт Горы и снова начинал ползти к ней. Настала ночь, но ненадолго принесла успокоение своей свежестью. Силы меня покидали, я изнемогал до конца. Слух был наполнен страшным звоном и ревом, глаза все более густой пеленой застилал кровавый туман. Сознание покидало меня окончательно. Последнее, что я помню, когда я очнулся: солнце стояло невысоко, но уже мучительно

палило меня. Мстеги со мной не было. Первое мгновение хотелось мне сделать усилие, чтобы посмотреть, где Гора. Затем в следующее мгновение мне ясно блеснула мысль, заставившая меня вдруг рассмеяться. Я смеялся, хотя из моих растрескавшихся губ текла при этом кровь, сочась по подбородку и каплями падая на грудь. Я смеялся потому, что вдруг понял свое безумие. Зачем я шел вперед? Что могло быть около Горы? Жизнь, вода? А что, если и там все та же мертвая, та же Проклятая пустыня! Да, конечно, оно так и есть. Мстега умнее меня и, конечно, пошел назад. Что ж! Быть может... ноги и донесут его до рубежа! А я заслужил свою участь. И, насмеявшись, я закрыл глаза и остался неподвижным. Но внимание мое было пробуждено чем-то темным, что я почувствовал сквозь опущенные веки. Я взглянул снова. Между мною и небом парил коршун, африканский коршун-стервятник. Он почуял добычу. И, смотря прямо на него, стал я думать, как он спустится ко мне на грудь, выклюет те самые глаза, которыми я смотрю, будет вырывать из меня куски мяса. И я думал, что мне

все равно. Но вдруг новая мысль, ослепительно яркая, залила все мое сознание. Откуда здесь коршун? Зачем ему залетать в пустыню? Или Гора Звезды близко, а около нее и жизнь, и леса, и вода!

Сразу же по моим жилам пробежала струя силы. Я вскочил на ноги. Близко-близко чернела высокая Гора, а со стороны ее ко мне бежал верный Мстега. Он искал меня и, увидав, закричал радостно:

– Господин! Пусть господин идет! Вода близко, я видел ее.

Я вскочил на ноги. Я бросился вперед дикими скачками. Мстега бежал за мной, что-то громко крича. Скоро мне стало ясно, что посреди Проклятой пустыни была громадная котловина, в которой и стояла Гора. Я остановился только у края обрыва над этой котловиной.

Удивительная картина открылась перед нами. Пустыня обрывалась отвесом больше чем в сто сажений глубины. Внизу, на этой глубине, расстилалась равнина правильной эллиптической формы. Меньший поперечник долины был верст десять; противоположный край обрыва, столь же высокий, столь же отвесный, был отчетливо виден за Горой.

Гора стояла в самой середине долины. Высота Горы была втрое больше, чем высота обрыва, может быть, доходила до полуверсты. Форма ее была правильная, конусообразная. В нескольких местах форму эту нарушали небольшие уступы, обходившие вокруг всей Горы и образовавшие террасы. Цвет Горы был темно-серый, несколько с коричневым оттен-

ком. На вершине можно было рассмотреть плоскую площадку, на которой возвышалось что-то ярко сверкавшее, как золотое острие.

Долина вокруг Горы была видна, как на плане. Она вся была покрыта роскошной растительностью. Сначала около самой Горы шли рощи, прорезанные узкими аллеями. Затем шел широкий пояс полей, занимавший большую часть всей долины; поля эти чернели только что вспаханной землей, так как был август месяц; там и сям бороздили их ручейки и канальчики, сходящиеся в нескольких озерах. У самого края обрыва опять начинался пояс пальмового леса, расширявшийся в узких заливах эллипса; лес был разделен на участки широкими просеками и кое-где состоял уже из старых деревьев, а кое-где еще из молодой поросли.

Нам были видны и люди. На полях всюду виднелись кучки негров, работавших мерно, словно по команде.

Вода! Зелень! Люди! Что еще было нам нужно. Конечно, мы не очень долго любовались видом страны, я едва окинул ее взором, даже не понял ясно всех чудес этой картины.

Я знал только одно: что мучения кончены и цель достигнута.

Впрочем, предстояло еще одно испытание. Надо было спуститься по отвесному обрыву в сто саженей глубины. Обрыв в верхней своей части состоял из тех же безжизненных сланцевых пластов, как и пустыня. Ниже начиналась более жирная почва, росли кустарники, трава. Мы спускались, цепляясь за выступы пластов, за камни, за колючие ветви. Над нами с криком кружили коршуны и орлы, гнездившиеся поблизости на уступах. Раз у меня из-под ног выскользнул камень, и я повис на одной руке. Помню, меня поразила моя рука, исхудавшая, на которой выступали все мускулы и вены. Саженьях в трех от земли я оборвался снова и на этот раз упал. По счастью, трава была высокая, шелковистая. Я не разбился, но все же потерял сознание от удара.

Мстега привел меня в чувство. Поблизости оказался источник, обложенный тесаными камнями, который живым ручейком убегал вдаль, к середине долины. Несколько капель воды возвратили меня к жизни. Вода! Какое

блаженство! Я пил воду, я дышал свежим воздухом, валялся по сочной траве и смотрел на небо сквозь веерную зелень пальмы. Я без раздумий, без мысли отдавался радости бытия.

Шум шагов вернул меня к действительности. Я вскочил на ноги, проклиная себя за то, что мог так забыться. В одно мгновение вихрем пронеслось в моем уме сознание нашего положения. Мы были в стране, населенной неизвестным племенем, ни языка, ни обычаев которого мы не знали. Мы были обессилены страданиями тяжелого пути и долгим голоданием. Мы были без оружия, потому что в пустыне я побросал все, все – даже ружье, даже свой неразлучный стилет... Но я еще не успел принять никакого решения, как на полянке показалась кучка людей. Один из них был до пят закутан в сероватый плащ, остальные были голые негры бечуанского типа. Видимо, они нас искали. Я двинулся им навстречу.

– Привет владыкам этой страны! – громко и отчетливо произнес я на наречии бечуанов. – Странники просят у вас приюта.

Слова свои, сколько возможно, я пояснял знаками. При моих первых словах негры остановились. Но тотчас же человек в плаще

закричал им тоже по-бечуански, хотя и с особым выговором:

– Рабы, повинуйтесь и исполняйте.

Тогда пятеро человек с исступленным ревом кинулись на меня. Я думал, что меня хотят убить, и встретил первого таким ударом кулака, что тот покатился по земле. Но мне было не под силу бороться с несколькими врагами. Меня повалили и крепко связали особыми ремнями. Я видел, что то же сделали и с Мстегой, который не оборонялся. Затем нас подняли и понесли. Я понимал, что кричать и говорить бесполезно, и только замечал дорогу.

Нас долго несли полями, быть может, и час. Везде видны были кучки работающих негров, удивленно останавливавшихся при нашем приближении. Потом пронесли нас через лесок около Горы. В самой Горе стала видна темная арка, ведущая в ее недра. Нас внесли под ее желтые своды, и начался путь по каменным проходам, скудно освещенным редкими факелами.

По узким спиралям спустились мы куда-то вниз, и на меня повеяло сыростью погребов.

или могилы. Наконец меня бросили на каменный пол во мраке подземной темницы, и я остался один. Мстегу унесли куда-то в другое место.

Сначала я был ошеломлен, но понемногу оправился и стал осматривать свое помещение. То была темница, высеченная в самом сердце Горы; в длину и ширину она была сажени полторы, в высоту немногим выше человеческого роста. Темница была пуста – не было ни ложа, ни соломы, ни кружки с водой. Уходя, бросившие меня негры задвинули вход тяжелым тесаным камнем, который я не мог пошевелинуть. Попытался я было ослабить свои путы, но и это оказалось мне не под силу. Тогда я решил ждать.

Через несколько часов слышался мне гулкий стук шагов по каменному сходу. На серые своды упали красноватые отблески факелов. Отвалили камень у входа. В мою тюрьму вошли двое человек, закутанных в серые плащи, за ними виднелось пятеро голых негров. Один из бывших в плаще направил свет факела мне в лицо и сурово спросил:

– Чужеземец, понимаешь ли ты меня?

Вопрос был предложен по-бечуански, но произношение отличалось особым изящным выговором.

– У всех народов, – отвечал я, – почитают гостя. Я пришел к вам как гость, как друг. За что вы связали и бросили меня, как злодея?

Человек в плаще спросил меня:

– Откуда ты прибыл?

– Я житель Звезды! – бросил я ему.

Двое, бывшие в плащах, переглянулись. Я в это мгновение разглядел их лица: по цвету кожи они приближались к арабам. Говоривший со мной спросил опять:

– С какой Звезды прибыл ты?

Я побоялся назвать Марс.

– С утренней и вечерней, потому что это одна и та же Звезда, только видимая в разное время. Я сын царя этой Звезды. И мой отец сумеет отомстить за меня, если вы сделаете со мной что-нибудь дурное; он сожжет ваши поля, раздавит самую Гору...

– Мы не боимся ничьих угроз, – прервал меня человек в плаще.

– По нашим законам чужеземцы, зашед-

шие к, нам из других стран, становятся рабами, но ты прибыл со Звезды и потому умрешь.

– Вы не посмеете! – вскричал я.

– Я, член верховного совета, Болло, зять царя, ныне собственной властью приговариваю этого человека к смерти. Рабы, повинуйтесь и исполняйте.

Сразу на меня бросились пятеро. Меня быстро развязали. Четверо негров навалились мне на руки и на ноги, пятый сел мне на грудь и приготовил нож. Я видел над собой его отвратительное лицо. Палач ждал знака, я же, задыхаясь, выкрикивал:

– Это стыд, это убийство... Вы нарушаете свои законы, вы нарушаете законы всех людей. Гость священен...

Болло холодно сказал мне:

– Мы законы исполняем. Твой раб будет нашим рабом, а ты умрешь.

И он уже повернулся, видимо, чтобы уйти. В отчаянной тоске я рванулся за ним, я звал его:

– Остановись! Пусть и я буду рабом! Буду служить вам верно, покорно... Какая выгода

меня убивать... сжальтесь.

Болло опять обернулся.

– У тебя кожа белая, – проронил он.

– Так что ж, что белая! Разве я не могу работать! Я могу быть рабом. Я силен!

– Но ведь ты житель Звезды?

– Да, я житель Звезды, – с непонятным упорством прохрипел я, уже задыхаясь, – но это ничего! Я солгал, что за меня отомстят. Я не могу подать знака своим. Я бессилён. Я не опасен вам. Сжальтесь, сделайте меня рабом.

Не знаю как, я несколько высвободился, я тащился по каменному полу за своим судьей, ловил край его одежды.

Второй человек в плаще, до сих пор молчавший, что-то сказал Болло на языке, мне непонятном. Болло опять обернулся. Я видел, что он улыбался.

– Хорошо, – медленно сказал он мне, – ты будешь рабом, ты способен быть рабом.

Меня повели вверх по прежним переходам, ежеминутно толкая вперед, потому что я был очень слаб. После довольно долгого пути открылась громадная [полутемная] зала, под сводами которой лежала вечная мгла. Красное зарево костров смутно озаряло толпу рабов в несколько тысяч человек, дикую, шумную. При нашем появлении все, бывшие поближе, сразу стихли.

– Завтра тебе укажут работу, – сказали мне.

Я остался один в толпе дикарей и от усталости; тут же упал на пол. Вокруг меня тотчас столпились любопытные. Меня рассматривали, трогали мою кожу, надо мной хохотали. Я не сопротивлялся. Наконец протиснулась ко мне древняя старуха, которая пожалела меня.

– Видите, он устал, пусть отдохнет, – сказала она другим.

Я попросил есть. Старуха принесла мне маису. Я накинулся на него с жадностью.

– Ты откуда? – спросила у меня старуха, сидя около меня на корточках.

– Из другой земли, из другого народа.

Старуха меня не поняла, а только покачала головой. Тогда я спросил ее в свой черед:

– А кто люди в плащах?

Старуха удивилась:

– Да лэтеи.

– Что значит лэтеи?

– А господа наши. Мы рабы, а они лэтеи.

– Видишь ли, бабка, – сказал я. – Я пришел очень издалека. За соляной пустыней живут другие люди. О вас мы ничего не знаем. Расскажи мне, как вы здесь живете.

– Как живем? Как все живут. Работаем.

– А что же делают лэтеи?

– Как что? Они наши господа.

– Где же лэтеи?

– А наверху.

Я смутно начинал угадывать истину. Но утомление мешало мне расспрашивать дальше. Я опустил на грязную циновку и подрев многотысячной толпы заснул железным сном.

Утром меня разбудил оглушительный бой барабана. Рабы покорно поднимались и шли к выходу. Я побрел за другими. У дверей осо-

бые распорядители [разбивали] нас в отряды и уводили на отдельные участки поля работать. Солнце только что показывалось из-за края обрыва. Мне дали лопату, и вместе с другими я стал вскапывать поле. Надсмотрщики все время бродили около и нещадно били палками по плечам всякого заленившегося. Побои принимались рабами молча и покорно. В полдень был отдых часа на два, нам опять дали маису. Я пытался заговорить со своими сотоварищами, но они не отвечали. После обеда работа возобновилась и продолжалась до захода солнца.

Вечером нас опять загнали в залу нижнего этажа. Женщины, проводившие день за тканьем и другими ручными работами, уже ждали нас. Начался ужин и оргии животного отдыха. Каменное эхо стен гремело от рева и хохота...

Я блуждал по зале среди веселящихся рабов. Любопытные ходили за мной. Я видел стариков, уныло и молчаливо сидящих вокруг костра, видел молодежь, спешившую грубо насладиться часами свободы, видел матерей, как тигрицы ласкавших и кормивших

своих детей, с которыми весь день они были разлучены. Я видел везде отупелые лица, слышал бессмысленные восклицания. Даже мне, привыкшему к жизни дикарей, сделалось страшно [от] этого животного состояния целого племени.

В одном из углов я увидел Мстегу. Вокруг него собралось несколько юношей, с любопытством слушавших его рассказы. Увидев меня, Мстега дико обрадовался, бросился ко мне, упал в ноги.

– Господин! – твердил он. – Господин!

– Молчи, – сказал я ему. – Здесь не хотят знать, что я господин. Они жестоко поплатятся. Кто знает, может быть, вся Гора будет стерта с земли.

Я заметил, что слова мои произвели впечатление. Когда немного погодя я подошел к кружку стариков, гревшихся у костра, один из них сказал мне:

– Нехорошо, друг, говорить такие слова, как ты сказал.

Я возражал ему почтительно:

– Отец мой! Посуди сам. На родине я царский сын. Сюда пришел по своей воле,

а не взят в плен во время войны. Почему же они не приняли меня как гостя, а обходятся со мной жестоко?

– Сын мой, – важно отвечал мне старик, трясая седой головой над пламенем, – не знаю, что говоришь ты о другой стране, я слышал о ней и в юности, но не знаю. Здесь же надлежит повиноваться лэтеям! Много тысяч зим прошло, как стоит эта Гора, и доныне ничем не потревожена власть их. Все другие были рабами, господа только лэтеи. Так идет от начала, сын мой! Поверь старику, который много слышал.

Другие старики, все сморщенные, безобразные, одобрительно закивали головой. Но когда я вернулся в свой угол и наконец остался один, ко мне подошел юноша лет восемнадцати. Он стал передо мной на колени, как перед лэтеем, и сказал мне:

– Меня зовут Итчуу, я тоже верю, что ты господин...

Я видел, что он хочет еще что-то добавить, и спросил его:

– А ненавидишь ли ты лэтеев?

Очи юноши ясно засверкали во мраке, и он

прошептал, глядя прямо на меня:

– Клянусь предками и солнцем ненавидеть их всегда и сделать им столько зла, сколько могу.

Это восклицание заронило в мою душу смутную надежду. Но, засыпая на грязной циновке, как раб среди рабов, готовясь завтра снова начать день мучительного труда, я с отчаянием думал, что Гора так же далека от меня, как и в Проклятой пустыне. Я здесь, в ее стране, но свою жизнь она таит от меня ревниво. Кто эти лэтеи, истинные властители страны? Какая жизнь, какие чудеса свершаются там, в таинственных переходах верхних этажей? И еще сильнее, чем в Пустыне, Гора Звезды влекла к себе мои помыслы. Засыпая, я давал себе клятву остаться в этой стране, пока не озарю эту тайну до дна.

В несколько дней я совершенно вошел в новую жизнь. Я покорно работал в поле, исполнял повеления надсмотрщиков, но пользовался всяким случаем, чтобы увеличить свое значение среди рабов. Я рассказывал им любопытные истории, рисовал углем их портреты, лечил как умел, во время работы придумывал разные приспособления, чтобы облегчить труд. Так, когда мы поднимали бревна, я устроил блок, вещь, здесь невиданную, смотреть которую приходили и лэтеи.

Среди рабов я пользовался большим почетом. Итчуу и еще двое юношей поклонялись мне. Даже старики стали смотреть на меня менее враждебно. Но все мои попытки ближе взглянуть на жизнь таинственных владык Горы оставались тщетными. Я видел лэтеев лишь как надсмотрщиков, да изредка на террасах, опоясавших Гору, мелькали сероватые силуэты. Но я уже знал, что по ночам, когда рабы заперты в своей зале, лэтеи спускаются в долину и гуляют по аллеям между лугов под деревьями. Я уже знал, угадывал,

что там, наверху, есть роскошь, есть наука, искусства. Однажды всю ночь простоял я у входа в нашу залу, слушая звуки нежной Музыки, долетавшие откуда-то сверху.

На седьмой или восьмой день моей жизни рабом пришел праздник Посева. В этот день сам царь со свитой объезжает поля. С утра нас вывели в поле и построили, как солдат, в ряды у дороги. Насколько хватал глаз, везде на полях видны были такие же правильные группы рабов. Надсмотрщики хлопотали, устанавливая их красивее и втолковывая, как надо приветствовать царя, вельмож и царскую дочь. Лэтеи имели свой особый выход из Горы, с противоположной стороны, чем рабы; поэтому мы не видели, как царский поезд вышел в долину. Только громогласные крики, долетавшие до нас, показали, что объезд начался. Нам, однако, пришлось ждать своей очереди до полудня.

Крики понемногу приближались к нам. Наконец стали видны царские носилки. Их несли шестеро дюжих рабов. Около каждого поля царь останавливался и милостиво беседовал с надсмотрщиками. Когда царские

носилки поравнялись с нами, я успел рассмотреть царя. То был уже совершенно седой старик, но с осанкой истинного владыки. Черты лица его были правильны и напоминали тип древних египтян. Одет он был, как все лэтеи, в сероватый плащ, но на голове его было особое украшение, служившее короной, все усыпанное самоцветными камнями.

Мы, как было приказано, упали на колени и прокричали: «Лэ!», царь проговорил несколько слов на особом лэтейском языке, обращаясь к нашему надсмотрщику, потом махнул рукой, и носилки направились дальше. За царем шла длинная процессия лэтеев, женщин справа, мужчин слева. Все были в серых плащах, все с украшениями из драгоценных камней и золота. Ноги были в сандалиях. Волосы у мужчин обрезают, у женщин собраны в красивые прически. Некоторые держали в руке какой-то музыкальный инструмент в виде лиры и пели. Другие разговаривали между собой и смеялись. Лица их почти все были очень красивы, только бледны слишком.

Мы кричали [«Лэтэтэ!»], пока процессия

проходила. За лэтеями, шедшими пешком, рабы опять несли носилки. То была дочь царя, царевна Сеата. Ее носилки были маленькие, изогнутые, тоже убранные блестящими камушками. Царевну не было видно за розовыми полами из какой-то тонкой материи. По сторонам носилок шло несколько юных лэтеев, очень хорошеньких.

Когда носилки поравнялись с нами, царевна вдруг открыла розовые полы и сделала знак остановиться. Я увидел бледное красивое лицо, большие черные глаза и прелестную руку. Царевна подозвала знаком надсмотрщика и что-то говорила ему. Но мне показалось, что она смотрела все время на меня. Конечно, она слышала о странном [иностранце], а из числа рабов я выделялся цветом кожи. Вот скрылись и носилки царевны. Весь поезд прошел дальше и скрылся за поворотом. Скоро и нам объявили, что мы свободны, загнали нас в нашу залу и дали бочку хмельного майсового напитка, встреченного рабами с ревом восторга...

Но в моей памяти запечатлелось глубоко лицо царевны Сеаты. Безумная мечта овладе-

ла моей душой, и я не мог с ней бороться. Я почему-то был уверен, что именно она связана с моей жизнью. Так, задумавшись, сидел я в стороне от гогочущей толпы, когда ко мне подошел Итчуу.

– Учитель, – сказал он, – я хочу тебя спросить.

– В чем дело, друг?

– Скажи мне, что лэтеи – люди?

– Как? Люди ли?

– Разве они такие люди, как мы? И они умирают?

Я уже понял.

– Конечно, они люди, такие же, как ты, как все здесь. Конечно, они умирают. Неужели ты никогда не узнавал, что умер царь, или надсмотрщик, или еще кто...

– Нет, не слыхал, – пробормотал юноша.

Он отошел от меня еще в некоторой неуверенности...

На ночь все рабы должны были собираться в большой зале нижнего этажа Горы. Зала эта имела в поперечнике не меньше ста саженей и занимала, вероятно, больше трех десятин пространства. В нее вел широкий проход длиною саженей в пятьдесят. Ночью проход этот задвигался особыми камнями, и на стражу становился очередной лэтей, который должен был убивать каждого раба, который попытался бы выйти в долину.

Несмотря на то, рабы умели обманывать бдительность сторожа, и нередко смельчаки уходили ночью в Гору искать добычу; особенно ценились оружие и водка. Порция хмельного напитка, розданная на празднике Посева, разлакомила рабов. На другой день вечером пошли толки, что хорошо бы было раздобыть еще водки. Идти на добычу вызвались двое: Ксути, человек бывалый, уже немолодой, и мой знакомец, Итчуу. Я попросил, чтобы взяли и меня. Старики после некоторого колебания согласились.

Первая трудность состояла в том, чтобы

проскользнуть мимо сторожа-лэтея у выхода из Горы в долину. Нам это не оказалось трудным. Лэтей дремал, положив около себя свой короткий меч. Мы проползли осторожно через поляну перед самой Горой, так как нас могли заметить с террас. В первом леске мы встали на ноги.

Тишина царила над долиной. Лэтеи утомились вчера в день праздника. Никто не вышел гулять в лунном свете. Пустынны были красивые аллеи среди вечерних пальм. Никого не было видно и на отдаленных террасах. Однако, соблюдая осторожность, мы пробирались от дерева к дереву и так обошли весь полукруг Горы. Там был второй вход в нее, ведущий сначала в кладовую, а потом крутой лестницей уходивший в верхние этажи. И у этого входа всю ночь стоял на страже кто-нибудь из лэтеев.

Выйдя опять на поляну, мы поползли снова. Скоро я различил сторожа. Он сидел под сводом входа, голова его свешивалась на грудь, он тоже спал. Сторожить, видимо, стало для лэтеев простой условностью, формой.

– Мы можем проскользнуть мимо него, он не услышит, – сказал я своим спутникам.

Действительно, я прополз в двух шагах от спящего лэтея, я отчетливо видел его бритое лицо и золотые кольца на его пальцах, но он даже не пошевелился. Ксути последовал за мной.

– Здесь, – сказал мне Ксути, когда на конце короткого прохода открылась зала, похожая на нашу залу Рабов, но меньшая по размерам. – Здесь и акэ [водка], и хлеб, и топоры.

Я вглядывался во мрак, к которому начинали привыкать мои глаза, как вдруг меня поразил тихий смех сзади. Ксути, весь затрепетав, посмотрел на меня. Смех шел от входа. Мы пошли назад. Под сводом лежал неподвижно лэтей-сторож, а над его телом сидел на корточках наш Итчуу и, покачиваясь из стороны в сторону, неудержимо смеялся.

– Что с тобой, Итчуу? – спросил я.

– Смотри, учитель, смотри... он мертв! Лэтеи – люди!.. Они умирают.

Итчуу, ползший сзади нас, задушил сторожа.

Ксути был [смертельно] испуган.

– Быть беде, – твердил он, – ты слишком молод, ты не знаешь, что теперь грозит нам! Горе! Горе!

– Да, ты это сделал напрасно, – сказал я. – Завтра его найдут и догадаются, что мы сюда приходили.

– Нет, учитель, я его унесу в лес и закопаю. А он мертв! Мертв!

Юноша готов был плясать. Но нам нельзя было терять много времени. Мы опять пошли в кладовую. Ксути, бывавший уже здесь, провел нас прямо к бочкам с водкой. Оба негра стали жадно наполнять принесенные с собою сосуды и тут же пробовать дорогой напиток.

– Не пейте много, – строго заметил я, – иначе, опьянев, вы заснете и завтра лэтеи убьют вас.

Но мне не хотелось оставаться с ними. Я различал во тьме лестницу, которая вела в верхние этажи, в это таинственное царство таинственных лэтеев. Я не мог преодолеть искушение, я решился проникнуть туда. Я уже сделал несколько шагов вверх, когда у меня мелькнула новая мысль. Я вернулся назад ко входу, где лежал мертвый лэтей, снял

с него плащ и завернулся в него. Это могло спасти меня при какой-нибудь нечаянной встрече.

Так в плаще лэтея поднялся я по лестнице. Она вывела во второй этаж в центральную залу. В этой зале горели два факела. Она была пуста. Никакого убранства в ней не было. От нее радиусами исходило пять коридоров, ведущих, вероятно, в жилища лэтеев. Я не решился идти туда, а пошел выше. После трех поворотов я оказался в третьем этаже. На этот раз это была роскошно убранная зала, ярко озаренная факелами и блистающая украшениями из самоцветных камней и блестящих металлов. Потолок ее изображал звездное небо. Созвездия были сделаны из крупных алмазов, а семь планет из рубинов, особенно ослепительным сделан был Марс; вокруг рубина, изображавшего его, шла кайма из мелких бриллиантов. На одной стене было изображено Солнце из золота, а на противоположной – изображение Луны из серебра. Я долго [блуждал] в этой зале, а после хотел идти через широкую арку в соседнюю, но там я увидел, что перед желтым балдахином, закры-

вавшим вход в следующую комнату, спали на коврах лэтеи, положив около себя мечи. Я догадался, что это была дверь в комнату царя. При звуках моих шагов один из стражей проснулся, поднял голову и открыл сонные глаза, но тотчас же опять опустил на ковер, и опять послышалось его ровное дыхание. Однако я пошел назад и попал в узкий проход. Он вывел меня на террасу. Полная луна светила ярко. Широкая терраса была пустынна. Только на противоположном от меня краю стояла одинокая фигура женщины, облокотившейся на парапет. Я приблизился. То была царица Сеата.

Несколько мгновений я колебался, потом выступил вперед, стал прямо перед царевной. Она вздрогнула, вскрикнула, что-то спросила на языке лэтеев. Я опустился на колени и сказал:

– Царевна, я царский сын, у вас я раб, я несчастный, который пришел сюда, чтобы посмотреть на тебя.

Лунный свет падал прямо мне в лицо. Сеата не могла меня не узнать.

– Зачем ты пришел? – медленно проговорила она, как бы колеблясь, не зная, как ей поступить.

– Я видел тебя однажды, царевна! Ты показалась мне прекраснее всего, что я видел и на своей Звезде, и на этой. Я пришел еще раз взглянуть на тебя и умереть.

Царевна молчала, глядя мне прямо в глаза. Я трепетал.

В ответ на мои пышные речи она сейчас могла позвать стражу, и я бы погиб... Но опять медленно и раздельно царевна спросила меня:

– Ты прибыл к нам со Звезды?

– Да, с утренней Звезды, с того мира, который бывает виден здесь, как яркая звездочка перед восходом.

– Зачем покинул ты родину?

– Я предугадывал, что увижу тебя, царевна!

Но так как мои льстивые слова прозвучали слишком грубо, я поспешил добавить еще:

– Тягостно жить, царевна, в одних изведанных, пределах. Душа жаждет иного, нового, хочет проникнуть в области Тайны. Все неведомое влечет к себе.

Лицо царевны странно оживилось, я видел, как тени забились на ее чертах.

– Ты хорошо говоришь, чужестранец, – промолвила она. – Скажи мне, у вас, на вашей Звезде, все то же, что здесь, или иное? Иное небо? Иные люди? И жизнь?

– Там много, царевна, такого, о чем ты не можешь помыслить, о нашей жизни, не знаю, сумела бы ты мечтать. Ты не должна обижаться, царевна. Я жалкий раб в вашей стране, но я говорю правду. Насколько здесь, в стране Звезды, вы стоите выше рабов, на-

столько мы в нашей стране выше вас. Наши знания для вас тайна, наше могущество – чудо. Подумай, что я мог прибыть к вам через звездные пространства.

Высказывая эти гордые слова, я встал с колен, я говорил властно, и царица впивалась в каждое мое слово, упиваясь ими.

Вдруг она отшатнулась.

– Скажи мне, кто там? – воскликнула она.

Я обернулся. Через поляну, ярко озаренную луной, явственно переходили две тени. Это возвращались Ксути и Итчуу. Оба они были пьяны, забыли о необходимых предосторожностях и прямо через поле тянули куда-то труп убитого лэтея.

С горечью отвечал я царице:

– Это два моих сотоварища. Они показали мне путь сюда. Сами же они ходили воровать водку. Вот я раб, царица! Вы сделали меня рабом! Прощайте же, я должен вернуться во мрак... Впрочем, вероятно, вы прикажете завтра умертвить... Видишь, они несут тело... Это они убили лэтея... [...] Прощай же навсегда, царица.

Последние слова я договаривал, сбиваясь.

Царевна молчала, и это лишало меня уверенности. Я резко повернулся, чтобы уйти.

Вдруг царевна окликнула меня:

– Чужеземец, постой! Я хочу еще говорить с тобой. Ты не должен умереть. Мне еще надо говорить с тобой.

– Может быть, это в твоей власти, – холодно сказал я.

Царевна задумалась.

– Слушай меня, – сказала она после долгого [нового] молчания, – я не могу нарушить законов страны. Вернись осторожно туда... к рабам... где ты всегда... Завтра я позову тебя.

И вдруг, отшатнувшись, она закрыла лицо руками. Я медленно пошел прочь, прошел через Звездную залу во второй этаж, потом в нижний. Никто меня не видал. Я перешел твердым шагом, не наклоняясь, через поляну и вернулся ко входу в залу Рабов. Сторож-лэтей спал по-прежнему.

Скоро я был снова среди рабов. Толпа дико ликovala вокруг принесенной водки. Увидя на мне плащ лэтея, все пришли в бешеный восторг. Пьяный Итчуу, шатаясь, подошел ко мне.

– Учитель, – сказал он умиленно, – ты прав... ты совсем прав... Лэтеи – люди... Но ведь и ты человек, учитель...

И он начал хохотать бессмысленным смехом.

На другой день утром, когда я уже работал в кокосовом лесу, к нашему надсмотрщику подошел посланный раб. Он стал на колени и показал ему красиво сработанный браслет.

– Господин, я от царевны, – сказал он, – она хочет, чтобы ты прислал к ней того раба, который у нас недавно, с белой кожей.

Наш надсмотрщик почтительно поцеловал браслет, поманил меня пальцем и грубо приказал мне идти за посланником. Я повиновался молча. Так странно было мне идти свободно по широкой дороге, среди работающих рабов. По той же лестнице, где я прошел вчера, мы поднялись во второй этаж. Если нам встречались лэтеи, проводник мой падал на колени, я делал то же. Из Круглой залы в третий этаж оказалась еще вторая лестница, узкая и темная, совершенная нора, нарочно сделанная для рабов. Она вывела нас в небольшую комнату, служившую царевне как бы прихожей.

– Подождем, – угрюмо сказал мой вожак.

Я спросил его, кто он, раб ли самой царевны, но он не ответил. Скоро из комнаты царевны выбежали две молоденькие рабыни, увидали меня, закачали головами и снова убежали. Вернулись они с тазом из цельной яшмы с теплой водой и, хохоча, начали меня отмывать. Я втайне был очень рад этому. Потом на меня накинули особый короткий «полурабский» плащ, так как я был совершенно без одежды. Эти две девушки тоже не отвечали на мои вопросы, но были очень смешливы и хохотали без умолку.

Наконец, в последний раз осмотрев меня, они порешили, что я достоин предстать перед светлые очи царевны. Меня провели через второй покой в опочивальню.

То была небольшая комната, красиво убранная изумрудом и бирюзинками. Факел, [стоявший] в изящной подставке посередине, освещал ее довольно полно. Царевна полулежала на каменном ложе, покрытом подушками из орлиного пуха. Две другие рабыни держали около нее два маленьких благоуханных факела, не для света, а для аромата. Ручной орленок стоял у ног царевны.

Я вошел и поклонился по-европейски. Царевна наклонила в знак приветствия голову.

– Мы слышали, – сказала она мне, – что ты прибыл к нам с другой Звезды. Я тебя позвала, чтобы ты рассказал мне о своей родине.

Я знал, что от моего рассказа зависит мое будущее, что я должен увлечь царевну, пленить ее, что только это даст мне надежду проникнуть в ревниво хранимую Тайну Горы.

Я начал говорить. В ясных, простых, но ярких словах описывал я чудеса европейской цивилизации, многомиллионные города, железные дороги, переносящие через тысячи верст со скоростью ветра, океан и покорившие его пароходы, телеграф и телефон, переводчики мысли и голоса. Со своей родной Звезды перешел я ко вселенной, стал рассказывать о Солнце, о безмерных пучинах пространства, о звездах, свет которых добегают до нас через тысячи лет, о планетах и законах, которые неуклонно стремят их вдоль по их орбитам. Я прибавлял вымыслы к истине, говорил о двойных солнцах, о зеленой заре, созданной лиловым светом второго светила, о живых растениях, ласкающихся друг

к другу, о мире ароматов, о мире вечно блаженных бабочек андрогин. Я по пути сообщал неожиданные тайны науки о воздухе и электричестве, намекал на истины математики, сколько мог приводил в переводах наших поэтов... Я замолчал только после того, как мой голос окончательно перестал служить мне, в полном изнеможении...

Я говорил часа три, может быть, больше. Все это время царица слушала меня с неослабевающим вниманием. Я видел, что она была захвачена рассказом, я победил. Но лучшим торжеством моего рассказа было то, что то у одной, то у другой рабыни вырывались восклицания:

– Как хорошо! Ах, что за чудеса!

Когда я замолчал окончательно, Сеата встала со своего ложа.

– Да, ты умней всех наших мудрецов, – сказала она восторженно, – не рабом тебе здесь быть, а учителем. А как жаль, что ты не говоришь на нашем языке!

Царица заметила, что я затрудняюсь в выборе выражений; меня стеснял бедный, неразработанный язык бечуанов.

– Дело нетрудно поправить, – заметил я, – поучи меня, царевна.

– Как? Изучить наш язык? – невольно воскликнула царевна. – Да разве ты сможешь?

Я улыбнулся.

– Царевна! Я знаю языки всех народов, живущих и живших на нашей Звезде, языки, звучные, как хрусталь, и гибкие, как стальные полосы. Посмотрим, однако, каков ваш язык.

И я стал задавать грамматические вопросы, приведшие царевну в совершенное изумление своей точностью и методичностью.

– Нет! Я больше не расстанусь с тобой, – решительно сказала царевна. – Скажи мне, как звали тебя в твоей стране?

– Зачем заходить так далеко, царевна, – возразил я. – Здесь на первых порах меня прозвали Толе, то есть камень. Оставь за мной это имя.

– Хорошо, пусть будет так. Я жалую тебя. Толе, своим учителем и прошу тебя принять эту должность.

Я отвечал, что буду счастлив быть близ царевны.

Сеата ударила в маленький ручной барабан. Вошел тот же раб, который привел меня сюда.

– Ступай отыщи начальника работы, – сказала царица, – и скажи, что я беру этого чужестранца к себе. После ступай к начальнику зал и прикажи найти свободный покой в третьем этаже. Чужестранец будет жить здесь. Так хочет царица.

С того же дня я поселился в маленькой комнате третьего этажа. В этом третьем этаже жили лишь знатнейшие лэтеи, потомки трех семейств, которым в разное время принадлежала в стране царская власть. Как слугу я взял к себе Мстегу.

В законах страны было определенно сказано, что все чужестранцы должны становиться рабами; поэтому я считался личным рабом царевны. Такого послабления она добилась не без труда, сама ходила просить отца, и тот наконец уступил. Впрочем, мне приказано было явиться к Болло, чтобы выслушать его предупреждения. Не без неприятного чувства предстал я перед этим вельможей, который видел мои унижения, которого я молил о жизни, хватаясь за край одежды. Болло заставил меня долго прождать себя, наконец появился в сопровождении двух рабов, несших факелы. Я приветствовал его поклоном, и мы несколько мгновений молча смотрели друг на друга. Он заговорил первый:

— Итак, ты уже не считаешь себя рабом?

Не считаешь нужным стать на колени? С каких это пор?

Я отвечал твердо:

– Приходя к вам, я не знал ваших жестоких законов. Гость везде священен, вы же обошлись со мной как со злодеем. Я подчинился силе, мог работать как раб, но сделать рабом меня не может никто. Я по рождению свободный, я царский сын, я оставался им и в рабстве.

Болло смотрел на меня почти с насмешкой.

– Наша царица, – сказал он с ударением, – хочет, чтобы ты забавлял ее. Мы согласились. Ты можешь жить там, где она тебе укажет. Помни, однако, что такова воля царицы. Если она изменит решение, ты вернешься на свое место к рабам. Ступай.

Я молча повернулся. Но Болло, видимо, не кончил, он опять позвал меня.

– Слушай еще. – Тут лицо его стало мрачным. – Недавно один из наших, стоявших на страже, исчез неизвестно куда. Прежде этого не бывало. Молчи! Не возражай мне! Если еще раз я узнаю, что ты склонял рабов

к чему-либо подобному... знай, сумеем найти пытки, о которых ты не слыхивал на своей Звезде. Ступай! Нет, стой еще. Помни, что мы за тобой следим. Царевна может забавляться, мы же обязаны блюсти безопасность страны. Ну, теперь ступай совсем.

Я вышел в бешенстве.

Меня успокаивал, впрочем, истинный восторг царевны. Она упивалась моими уроками. Она готова была учиться с утра до вечера. Я знакомил ее с европейскими методами математики, с физикой, с философией и с историей наших классических народов. Со своей стороны, я жадно учился языку лэтеев и пользовался всяким случаем, чтобы ближе ознакомиться со страной. Мне помогало то, что царевна несколько стыдилась передо мной за свою страну; желая показать мне, что и они стоят не на низкой ступени развития, она показала мне много чудес, скрытых в Горе. Я видел роскошно убранные залы третьего этажа, среди которых, однако, Звездная зала была самой любопытной. Я видел музеи и библиотеки четвертого этажа. У лэтеев была самостоятельная литература; книги писа-

лись на тонких листах золота заостренным алмазом.

В музеях были собраны редкие камни, замечательные изделия из металлов и целый ряд прекрасно выполненных статуй. Некоторые были из бронзы, другие из камня, но самые замечательные были те, которые были высечены из самой толщи скалы, образовывали одно целое с полом, на котором стояли.

Но все мои попытки проникнуть выше, в пятый этаж, в Царство Тайны, как его называли, царевна отклоняла. Там жили жрецы, туда собирались на молебствия, и для меня вход туда был решительно закрыт.

Вместе с тем, ближе знакомясь с жизнью лэтеев, я яснее чувствовал, что в ней была какая-то тайна. Лэтеи употребляли некоторые слова в каком-то особом смысле: «звезда», «наши», «глубина» – они разумели под ними что-то особое.

Однажды я решился прямо спросить Сеату: – Скажи мне, царевна, ваш народ не пришел сюда тоже с другой Звезды?

Сеата явно вздрогнула и после молчания сказала решительно:

– Об этом нельзя говорить. Ты не знаешь, но здесь есть то, о чем нельзя говорить. Не спрашивай меня никогда о наших тайнах.

Я должен был повиноваться.

Через неделю я уже мог объясняться на языке лэтеев. Скоро я начал свои уроки читать на том же языке. Слушать меня, кроме царевны, собирались другие молодые люди и подростки. Я знакомил их с европейскими методами математики, с зачатками физики, излагал им учения наших величайших философов и пересказывал истории классических народов; именно история больше всего увлекала моих слушателей.

Я не сразу понял, чего искала во мне Сеата, каковы были ее истинные чувства ко мне. Это непонимание привело меня к очень тяжелой сцене еще в первые дни моей жизни среди лэтеев.

Только научился я немного говорить на языке лэтеев, как царица пригласила меня на большую охоту за орлами; то была самая любимая забава лэтеев. Я согласился, хотя и знал, что присутствие мое будет ненавистно многим из обычных спутников царицы, которые тяготились обществом бывшего раба. Действительно, мне пришлось вынести немало презрительных взглядов и колких замечаний. Особенно враждебно относился ко мне Латомати, изящный юноша из третьего этажа, значит, из знатнейших лэтеев; так, он, обращаясь ко мне, упорно пользовался наречием бечуанов, [которым] говорят с рабами, и я не мог ничего возразить, потому что действительно по-бечуански объяснялся лучше, чем по-лэтейски.

Охота была устроена ночью, так как днем

сходиться в долину считалось неприличным. Месяц был на ущербе, но все же светил довольно ясно. Охотников, кроме меня и царевны, было восемь человек, среди них две девушки. Все шли, оживленно болтая, до края котлована, что составляло верст пять. В нескольких местах снизу были устроены входы к Проклятой пустыне. По одной из этих тропинок мы начали подниматься.

Надо было при лунном свете разыскивать орлиные гнезда, подкрадываться к ним и бить орлов стрелами. Это было довольно занимательно и не совсем безопасно. Охотники рассеялись. За каждой дамой следовали ее кавалеры. За царевной шел Латомати, потом некто Болалэ и я, как ее раб.

Мы увлеклись охотой. Латомати выследил гнездо, но не сумел подкрасться. Орлица, слыша шаги, взлетела, но, оберегая неоперившихся птенцов, начала носиться над нашими головами; со страшным шумом рассекала она воздух в полете. Латомати выстрелил из лука, но промахнулся. В бешенстве он напал на птицу со своим коротким мечом. Болалэ пытался взять из гнезда орленка. Орлица на-

летела на него.

Царевна же заметила другое гнездо, повыше, и, сделав мне знак следовать за ней, стала подниматься. Мы подкрались довольно удачно, царевна спустила лук, но тоже промахнулась. Орел взлетел ракетой, покружился минуту в воздухе, упал и заковылял по камням дорожки. Мы бросились его преследовать.

Так все охотники потеряли один другого из виду. Я случайно поднял в это время голову и был поражен. Громадная черная туча закрывала небо. Надвигалась страшная тропическая гроза, ураган, который бывает однажды в несколько лет, но остается памятным на целые десятилетия.

– Царевна, – окликнул я, – надо бежать!

Но было уже поздно. В две-три минуты туча закрыла все небо, луну и свет звезд. Наступил непроглядный мрак. Затем завыл ветер, внизу под нашими ногами застонали пальмовые деревья.

Уцепившись за кусты, мы едва могли держаться на узкой тропинке, извивавшейся по отвесу. Хлынул африканский ливень, сразу пронзивший нас, ударявший по телу, как тя-

желый град. Земля стала скользкой. Беспредельные молнии разверзали небо, и грохот грома не прекращался вовсе.

Каждое мгновение мы могли скатиться в пропасть. Я уперся твердо в какой-то камень и поддерживал царевну, которая жалко перепугалась. При блеске молний я видел ее совсем побледневшее лицо и пальцы, конвульсивно сжимавшие ветку кустарника. Вдруг при новом потоке дождя камень под моей ногой дрогнул: вода его подмачивала.

«Все равно, – подумал я, – если я разобью сегодня голову, ничего не будет потеряно; если же мы останемся в живых – это послужит мне на пользу...»

И, наклонясь к Сеате, чтобы она могла слышать мои слова сквозь грохотание грома, рев ветра и шум дождя, я крикнул ей, стараясь придать своему голосу оттенок отчаяния:

– Царевна! Кажется, наша смерть близка! Но я не хочу умереть, не сказав тебе, что люблю тебя. Полюбил тебя с первого взгляда. Моей единственной мечтой было однажды в жизни поцеловать твою руку. Моя царевна!

Прощай навсегда!

Камень под моей ногой действительно быстро пополз вниз. Я покачнулся, выпустил царевну, но удержался еще, поймав какую-то новую ветку. Опять вспыхнула молния, и на одно мгновение я опять увидел лицо Селаты. Но в нем не было страха, в нем не было и того волнения, какого я ждал; ее лицо выражало одну тоску, мучительную тоску.

– Ах, Толе! Толе! – ответила она мне, и голос ее все-таки достиг до меня, несмотря на гул стихий. – Зачем ты мне сказал это? А я верила в лучшее! Ах, Толе! Неужели и на твоей Звезде, как и здесь, женятся, выходят замуж и мужчины любят девушек? Неужели это везде так?

Не знаю, каким чудом эти томительные слова проникли в мое сердце. Я потерял власть над собой. Я припал поцелуем к краю ее одежды. Я чувствовал, как слезы давят мне горло.

– Прости меня, царевна, – воскликнул я, – прости! Это было безумие. То была подлость. Клянусь, я никогда не повторю этого. Никогда! – Несколько мгновений тому назад я ни-

когда не поверил бы, что скажу такие слова.

Так стояли мы один против другого, опираясь на случайно выступавшие камни, держась за измокшие ветки. Но буря уже проходила. Блеснула полоса ясного неба, быстро становилось светло.

Через полчаса при помощи Латомати, первым заметившего нас, и подоспевшего на помощь Болалэ мы свели [царевну] по размытой тропинке в долину. Там уже ждали носилки, посланные перепутанными вельможами.

Царя видел я еще раз на похоронах одного лэтея. Хоронили лэтеев в подземном этаже горы, в том же, где устроена и темница. Там была особая Зала Смерти, с низкими сводами, узкая, но длинная, саженой сорок в длину. Вдоль стен ее были расставлены человеческие черепа, в самом конце стояло высокое изваяние, вероятно, изображавшее смерть. То была фигура человека, плотно завернутого в плащ или в саван, у которого вместо головы был череп; этот череп был сделан пустым внутри, и туда при совершении похорон вставлялся маленький факел, так что из орбит глаз, из отверстия носа и сквозь зубы вырывался свет.

Похороны происходили ночью. На них собрались все взрослые лэтеи, за исключением только тех, которые были назначены на стражу. Вся зала была полна народом. Царь и вельможи третьего этажа стояли отдельно. Из рабов было только четверо, несших носилки царя, да я, на этот раз державший факел сзади царевны. Увидал я и жрецов. Их пятеро.

С каждым пришел мальчик, в котором подготавливался будущий преемник жреческого сана. Жрецы были одеты в плащи красного цвета; на головах у них были короны такой же формы, как царская, лишь поменьше. Весь обряд состоял в том, что жрецы однообразно пели какие-то гимны. Я еще недостаточно знал язык лэтеев, чтобы понять их. Слышно было только часто повторяемое обращение к Звезде, которая была Божеством в стране Горы.

После пения гимнов по знаку жрецов все присутствовавшие, не исключая царя, стали на колени. Один из жрецов отчетливо и многозначительно произнес следующие слова:

– Не будем ни завидовать отошедшему, ни страшиться его примера. Смерть есть тайна, поэтому почтим ее безмолвием.

Молчание продолжалось минуты две. Потом жрец опять возгласил:

– Слава Звезде!

Все встали с колен, повторяя это восклицание. Около ног статуи смерти было широкое отверстие в виде глубокого колодца. В этот колодец опять с пением начали опускать тело на веревках. Потом веревки [приподняли],

и тело должно было упасть на дно. Мне слышался словно всплеск воды, но тогда я не был в этом уверен. Все начали расходиться. Лэтеи расступились, чтобы дать дорогу царским носилкам. Но вдруг царь остановил рабов и сделал мне знак подойти. Я повиновался с невольным трепетом.

– Это ты человек, прибывший к нам со Звезды? – спросил он меня на наречии бечуанов.

– Да, государь, это так, – отвечал я почти-тельно.

– Каким же путем прибыл ты к нам?

Я начал свою заученную басню.

– С нашей Звезды эта земля представляется маленькой голубоватой звездочкой. Наши мудрецы давно развели, что это особый мир, где живут разумные существа. И вот у нас создали особую ладью, годную для летания между светилами. Нашлось пятеро смельчаков, которые из жажды знания рискнули жизнью и поместились в этой ладье; среди них был и я. Особые приспособления бросили нас вверх со скоростью молнии. Я говорю вверх, государь, потому что для нас эта

земля была среди звезд. Мы летели осьмнадцать дней и наконец упали на землю. Здесь мы разделились. Все мы пошли в разных направлениях. Что до меня, я долго блуждал среди дикарей, живущих около соляной пустыни, там я достал себе раба. Потом, прослышав о Горе, я пустился ее отыскивать.

Царь слушал внимательно, потом сказал мне:

– Однако, как мне сообщили, твой раб ничего не знает об этом, не знает даже, что ты житель Звезды.

– Государь, – возразил я, – неужели же я стал бы откровенничать с рабом!

Царь посмотрел на меня проницательным взором и спросил еще:

– А что, на твоей Звезде все жители такие же, как и ты, значит, такие же существа, как мы и рабы наши?

– Да, государь, – отвечал я, – там тоже живут люди. – Царь еще раз посмотрел на меня, потом сделал мне знак подойти совсем близко и, нарушая весь этикет, нагнулся к моему лицу и сказал мне тихо, так, чтобы никто не мог его слышать, и притом по-лэтейски,

чтобы не поняли рабы, держащие носилки:

– Слушай меня, чужеземец! Ты очень заблуждаешься. На звездах живут не такие существа, как здесь. Мне это известно, тебе же нет. Помни ж! Я знаю, что ты не со Звезды к нам прибыл.

И прежде чем я успел опомниться, царь уже отдал приказание рабам. Носилки его качались, двинулись, и я не мог ответить ему ничего.

Жизнь наша текла однообразно. Вставали мы около полудня; утром я читал свои лекции, потом у царевны бывал обед, на который собиралось большое общество. Вечером устраивали обыкновенно прогулку по долине.

Приближался большой праздник Звезды, у рабов называвшийся праздником Очей, потому что он устраивался раз в два года. Накануне этого праздника на обычном обеде у царевны собралось особенно много посетителей. Кроме ее обычных приближенных, было еще два старика мудреца, официально назначенных к тому, чтобы продолжать государственную летопись, а также школьный учитель.

Как и бывало большей частью прежде, завязавшийся спор был направлен против меня. Я должен был защищать европейскую науку. Особенно замечательным казалось мне то, что именно ученые не хотели признавать никакого значения за новыми истинами, которые я им сообщал. Так, однажды один мате-

матик Горы смеялся, когда я ему разъяснял начатки аналитической геометрии. На этот раз шла речь о свойствах звука. Перемены блюд следовали одно за другим, подавали то кукурузу, то фасоль, то сладкий батат, то земляные фисташки (так как лэтеи, безусловно, вегетарианцы и скотоводство у них совершенно неизвестно). Присутствующие действительно запивали земные плоды обычным акэ (водкой), но с живым любопытством принимали участие в ученом споре.

Науке лэтеев были знакомы свойства эха и законы колебания струны, но никто не хотел принять моих объяснений о колебании воздуха. Я приводил в доказательство различные опыты, которые часто тут же и проделывал, но лэтеи не любили опытного метода, не признавали его. Скоро от отвлеченного вопроса перешли на спор о преимуществах европейской науки и науки лэтеев. Еще более обострился этот спор, когда заговорили уже не вообще о звуке, а о музыке, что было понятнее для большинства.

– В сущности, как я вижу, – говорил мне со сверкающими глазами Латомати, – все ва-

ши музыкальные машины та же наша колта (барабан), лэета (дудка) и лоэми (род гитары). Кроме того, что знаем и мы, вы не придумали ничего!

Я указывал на разнообразие наших инструментов, описывал рояли и органы, рассказывал о концертах и операх.

– Каждый умствует по-своему, – упрямо твердил Латомати. – Ты, Толе, говоришь, что у вас там много народов, которые сносятся друг с другом, заимствуют новое один у другого, мы же одни, нам не у кого учиться, и все же мы нашли все три основных способа создавать музыку.

– Латомати, – холодно возразил я, – блуждая по земным степям, я встречал совершенно дикие племена, но и они знали эти три способа – дудку, струну и удар по натянутой коже.

Латомати весь задрожал.

– А кто докажет нам, – начал он прерывающимся от негодования голосом, – кто поручится нам за точность всего, что ты говоришь? Можно многое порассказать о жизни на чужой Звезде, куда мы никогда не попа-

дем.

– Я прощаю тебе твои слова, – спокойно отвечал я. – Жизнь в моей стране настолько выше вашей, что, конечно, тебе трудно поверить моим рассказам.

Глаза Латомати загорелись очень мрачно, но тут на помощь поспешила царица, стараясь успокоить моего противника. Ее серебряный голос еще звучал, когда вдруг послышались тяжелые шаги. Портьера у входа откинулась. В арке между двумя рабами, державшими факелы, стоял Болло.

– Лэтеи! – сказал он властным голосом. – Ваш возлюбленный государь внезапно почувствовал себя очень больным. Разойдитесь, лэтеи: всякие сборища теперь неуместны; пусть каждый у себя молит Звезду о выздоровлении царя.

– Ты говоришь, отец очень болен! – воскликнула царица, порывисто бросаясь к выходу.

– Остановись, царица! – холодно удержал ее Болло. – У меня есть приказ государя не впускать к нему никого, даже Тебя. Повинуйтесь, лэтеи, потому что вот царский меч.

Болло высоко над головой поднял сверкающий клинок, рукоятка которого горела от самоцветных камней. Все, почтительно склоняясь, стали расходиться. Проходя мимо Болло, лэтеи закрывали глаза рукой – честь, которую оказывали только царю во время приемов. Я не смел послушаться и последовал за другими. Болло остался с царевной.

С горьким предчувствием вошел я в свою комнату, где ждал меня Мстега.

– Господин, – сказал он мне, торопясь и оглядываясь, – я был у рабов, там говорят, что царь уже умер, там хотят, чтобы им дали акэ и чтобы был отдых день, два дня, три дня. Они шумят, господин.

Это было что-то новое. Это было исцеление от моего беспокойства. С волнением начал я спрашивать Мстегу о подробностях.

На другой день был праздник Звезды, но на этот раз никаких торжеств не было. Рабов, правда, освободили от работы, но оставили запертыми в их зале; там они волновались и на все лады перетолковывали события.

Мне принесли обычный завтрак. После него я, как и всегда, пошел к царевне. Но у входа в ее покои стояли на страже два лэтея. Я знал их в лицо, мне случалось даже разговаривать с ними, но они сделали вид, что не узнали меня.

– Царевна не приказала впускать, – сказал мне один.

– Но пошлите сказать, что это я.

– Царевна не приказала.

Я ушел, но все же не поверил. Я бродил по залам, по переходам, по террасам Горы. Они были пустынные. Встречавшиеся изредка лэтеи поспешно и молча проходили мимо. Меня как-то особенно чуждались, хотя еще отвечали на приветствия.

Я вернулся к себе. Обыкновенно, если мне

не случилось обедать у царевны, мне принесли обед в мою комнату. В этот день я не дождался обеда. Все отправления Горы нарушились. Вечером я опять вышел с решительным настроением выяснить положение. Первым я встретил старика учителя Сеге. Я загородил ему дорогу.

– Привет, – сказал я. – Занятий сегодня нет, вы свободны. Скажите, как здоровье государя?

Старик страшно смешался.

– Простите, не [обижайтесь], я должен спешить...

Повернувшись, он почти побежал прочь от меня.

Я пошел к Латомати. Рабы сказали мне, что он никого не велел пускать к себе.

Я снова вернулся к себе. Что-то совершалось кругом, а я не знал что. Я послал Мстегу к рабам разузнать, что делается там. Сам я уныло лег на ложе. В моей комнате было узкое окно наружу, и я мог следить, как быстро темнело. Наступала ночь.

Вдруг в проходе, ведущем в мою комнату, показалась черная фигура негритянки, то бы-

ла рабыня Сеаты.

– К тебе идет царица, – шепнула она мне и исчезла.

Я вскочил с ложа. Через минуту вошла Сеата, одна, без провожатых.

Я бормотал в смущении какие-то извинения, но царица прервала меня:

– Нет времени, друг мой, слушай.

Она села на мое ложе и взяла меня за руку.

– Слушай. Отец умер. Это скрывают, но это верно. Последнее время он уклонялся от меня. Теперь я могу сказать, что виною этому ты. Я два раза хотела прийти к нему, он не позволял. С ним все время был Болло. У Болло теперь царский меч. Он будет царем. Его признают.

По законам страны прямой наследницей царского венца была сама Сеата. Я подумал, что именно эта потеря так огорчает ее.

– Полно, царица, – сказал я. – Еще не все потеряно. Да и стоит ли грустить о царском сане. Я убежден, что с ним соединено больше заботы и горестей, чем радостей.

– Ах, ты ничего не понял, – грустно произнесла царица. – Слушай, я объясню подроб-

нее. Ты знаешь, что у нас давно борются за власть две стороны: знатнейших вельмож и простых лэтеев. Ведь ты же читал наши летописи. Мой отец был царь из партии вельмож. Одно время думали примирить обе партии и для того выдали мою старшую сестру замуж за Болло. Он из простых лэтеев. Но сестра умерла, а Болло остался верен своей партии. Теперь торжествует не он один, а весь второй этаж. А нам всем суждено падение.

Для меня еще многое было неясно.

– Я все еще не вижу ничего особенно ужасного, царевна.

– Ужасно то, – вскричала царевна, вдруг заломив свои мраморные руки, – то ужасно, что как царица я могла остаться свободной... Но я более не царица! Я простая женщина! Я должна повиноваться законам страны. Я уже прожила мою пятнадцатую весну, уже два года как прожила... Мне прикажут... прикажут иметь мужа...

Она произнесла последние слова глухо, глядя в землю. Но вдруг опять ожила, глаза ее вспыхнули, она сжала мою руку.

– Слушай, Толе! Я этого не хочу! Не хочу! Я считаю это позорным. Спасти меня должен ты. Как? Неужели эта серая земля не истомила тебя в те недолгие дни, какие ты томился здесь... А ведь я! И родилась здесь и прожила долгие годы! Ты мудр, мой добрый Толе! Ты найдешь возможность. Уйдем отсюда, умчимся, улетим, улетим хотя бы на твою Звезду! Я тебя умоляю!

Царевна опустилаcь передо мной на колени, порывисто обняла меня руками, смотрела мне в глаза.

– Царевна Сеата... – говорил я в безумном замешательстве, – ты знаешь, что жизнь моя принадлежит тебе, но я бессилен. Что могу я сделать один и так скоро... я бессилен, царевна.

Она медленно и молча встала, хотела идти, но потом упала на ложе и зарыдала.

– Значит, все кончено! Все! И я как простая женщина...

– Будь благоразумна, – успокаивал я, – не все потеряно.

Преодолев на миг рыдания, она крикнула мне:

– Тогда оставь меня. Толе, и беги сам... Беги, беги!.. Тебя не пощадят. Болло уже решил о твоей смерти... Прощай навсегда.

– Мы не можем унести на другую Звезду, но мы можем бороться с врагами.

Сеата подняла голову.

– Но за Болло весь второй этаж, все лэтеи – их тысяча человек! А моих сторонников, быть может, двадцать человек, да и из них большинство старики или трусы.

– На стороне Болло все лэтеи, – сказал я, – а что, если на нашей стороне будут рабы?

– Рабы? – переспросила царица и долго смотрела на меня, недоумевающая.

Было уже совершенно темно, ярко сверкали звезды, когда я подошел к выходу. Стоявший на страже загородил мне дорогу.

– Выходить воспрещено.

– Кем?

– По приказанию Болло, в чьих руках царский меч.

Я высвободил под плащом лэтейский короткий меч, но решил употребить силу лишь в крайности.

– Друг мой, – сказал я мягко, – ты исполняешь повеление Болло, но он пока только временный представитель власти. А вот у меня золотое запястье царевны, признаешь ты власть царской дочери?

Лэтеи заколебался.

– Мне приказано не пропускать никого, – повторил он неуверенно.

– Послушай, друг, – сказал я шепотом, – убежден ли ты, что Болло будет царем? А что, если власть законно перейдет к царевне? Как отнесется она к тому, кто не исполнил ее повеления? Ведь я знаю тебя: ты Тобой, сын

Боколта.

Зная, что сторож смущен окончательно, я отстранил его от входа и быстро вышел в долину. Не прошел я и двадцати шагов, как Тобой опомнился и стал кричать, чтобы я остановился. Я прибавил шаг, готовясь, если надо, побежать. Но страж, видя, что я не отвечаю, покинул свой пост и исчез во мраке прохода: пошел доносить о случившемся.

Я, задыхаясь, добежал до Большого входа. Здесь по обычаю тоже ходил страж.

– По воле царевны!.. – сказал я, показывая запястье.

Сторож не возразил ни слова. Я вошел в залу Рабов. Громадная зала озарена была десятками костров. Пламя взвивалось в черный мрак высоты, дым [валил] густыми облаками. Тысячи оголенных тел, освещенных красным пламенем, плясали и дико вертелись вокруг костров. Неумолчный рев голосов сливался в непрерывный гул.

Меня не сразу заметили; потом не сразу узнали. Но я прошел в знакомый мне угол, где обычно собирались старики. Со всех сторон бежали любопытные, изумленные видом

лэтейского плаща среди рабов.

Я стал в кругу стариков, испуганно вставших передо мной.

Я подождал, пока наступила некоторая тишина, и потом начал свою речь, говоря громко, явственно, просто:

– Рабы! Вы меня узнаете! Я тоже раб и жил с вами, и работал с вами. После я попал к лэтеям. Но, живя у лэтеев, я все время думал о вас, хотел, чтобы вам жилось лучше. Я склонил к тем же думам возлюбленную нашу царевну. Она хотела, как только получит власть, изменить вашу участь. Если она будет царицей, вы будете работать лишь утром да немного вечером. Вы каждый день будете получать акэ (водку). Надсмотрщикам будет запрещено вас бить. Вы знаете, как милостива царевна. Слушайте, рабы: наш царь умер.

Дикий рев пронесся среди моих слушателей. Меня теснили, я почти задышался.

– Стойте! Слушайте еще! Другие лэтеи не хотят, чтобы вашу участь облегчили. Другие лэтеи хотят по-прежнему заставить вас работать с утра до ночи, бить вас и морить голодом. Лэтеи не хотят передать власть царев-

не Сеате, хотя ей эта власть принадлежит по крови. Вместо царевны они выбрали царем Болло. Вы его знаете. Это самый свирепый из всех лэтеев. Бить рабов ему доставляет наслаждение. Рабы! Не допустим, чтобы царевна была убита или заключена в тюрьму. Не допустим! Мы низвергнем Болло, мы убьем его! Мы сами сделаем царицей Сеату. Идите за мной, рабы! Я покажу вам дорогу к оружию и к запасам – там хватит акэ и майсу на всех!

Некоторое время рабы стояли в оцепенении после моей речи. Но вдруг раздались отдельные восклицания. Я различил голос Итчуу. Старики хотели было что-то говорить, но голос их потонул в поднявшемся реве. Женщины вопили, юноши с гиканьем бегали по залу, кто хватал камни как оружие, кто уже устремился в проход к выходу. Я сам не ожидал такого успеха своего призыва. Видимо, волнение подготавливалось давно, и моя речь была только последней искрой.

Толпа ринулась к выходу. В один миг разметали камни, которыми он был закрыт. Лэтей-сторож был убит тут же. Как голодный

змеи, длинной полосой с воем и гиканьем побежала толпа к лэтейскому входу в Гору. Бежали все – женщины и дети вместе с мужьями и отцами. Очень небольшая кучка, человек сто, осталась в зале, упрямо осуждая все предприятие. Я не поспел за первыми бегущими. Когда я добежал до лэтейского входа, там уже кипел бой. Ряд лэтеев, человек в двадцать, защищал узкую лестницу, отбивая приступы всей тысячной толпы рабов. Другие рабы тем временем грабили запасы, вытаскивали из кладовых оружие, маис, кокосы и бочки с акэ. Около входа на поляне уже начиналась оргия.

Долго я не мог ничего поделатъ. Я сам был испуган дикой силой толпы, порвавшей цепи. Только после того, как все приступы были отбиты лэтеями, когда трупы рабов заполнили все первые ступени, они отступили.

– Завтра! Завтра мы пройдем к ним, – уговаривал я. – Будет светло, и мы пройдем. Теперь же, пока ночь, отдыхайте, пейте, веселитесь или спите.

Наконец раскинулся под стенами Горы лагерь рабов. Нарубили кокосовых деревьев

и сложили костры. Зарево озарило беснующуюся толпу. Я в смущении слушал их исступленный вой.

Итчуу разложил для меня маленький отдельный костер. Скоро ко мне собрались наиболее влиятельные лица из рабов. Пришло двое стариков, хотя старики вообще не одобряли восстания. Пришел Мстега, который среди рабов пользовался известным почетом. Пришел еще Гуаро, силач, легко ломавший кокосовую пальму в руку толщиной.

Я постарался заранее им объяснить план завтрашней борьбы. Рабов, способных сражаться, было больше полутора тысяч, лэтеи же не могли выставить против нас больше 500–400 человек. Но лэтеи были страшны своей выдержкой и тем нравственным влиянием, которое они приобрели над рабами многовековым господством.

Мы еще беседовали, сидя у костра, когда к моим ногам с тихим свистом упала стрела, пущенная с одного из балконов. К стреле был привязан кусочек кокосовой ткани, заменявшей у лэтеев бумагу. То было письмо ко мне на языке лэтеев. «Друзья царевны извещают Толе, что царевна заточена в своих покоях,

как в темнице. Пусть Толе спешит спасти ее». Письмо служило для меня доказательством, что царица Сеата покинута не всеми. Но немедленно я не мог сделать ничего. Было опасно нападать на лэтеев ночью, в их норах, все переходы которых они знали так хорошо. Надо было ждать утра. Я поставил стражу и прилег вздремнуть.

Лэтеи не отважились на внезапное нападение. Может быть, и они собирались с силами. При первом проблеске солнца я приказал будить свое войско. По счастью, в нижней кладовой было сравнительно немного водки, и рабам не было чем напиться до бесчувствия. Они поднимались бодрые, по-прежнему решившиеся на все. Сон несколько не ослабил их озлобления: они шли мстить за долгие годы, за целые века.

А лэтеи еще занимали лестницу, которая вела во второй этаж. Нападать на них было безумно. В узком проходе несколько человек могли отражать натиск целой рати. Я распорядился нарубить деревьев и сложить у подножия лестницы костер. Кокосовые стволы вспыхнули с треском, зеленые ветви задыми-

лись, и клубы дыма потянулись по крутой лестнице, как в трубу. Конечно, лэтеи отступили.

– О-го-го-го! – весело завывали рабы.

Когда костер стал прогорать, я повел свое войско на приступ. Завернув головы, чтобы защититься от редющего, но еще едкого дыма, мы кинулись на лестницу. Она раздвоилась: одно колено вело в Общую залу второго этажа, другое на террасу. Я направился на террасу. Сопротивления мы не встретили. Один за другим, черные, закоптившиеся, выбирались рабы из черного закопченного отверстия на террасу. Я выпрыгнул одним из первых. Я видел, что неподалеку от выхода стоял строй лэтеев. Они, видимо, думали, что и мы не пойдем в дыму, и ждали, когда он разойдется совершенно. Увидя, что уже поздно, что враги на террасе, они смутились и быстро отступили. Терраса опустела, мы овладели ею.

Здесь я опять созвал военный совет. В центре второго этажа была круглая Общая зала, от нее радиусами шли пять проходов, по сторонам которых были двухэтажные помеще-

ния для простых лэтеев. В каждом проходе было сто таких помещений. Но, кроме того, со стороны террасы между этими проходами было пять других, не доходивших до общей комнаты и кончавшихся тупиком; в этих меньших проходах было по пятьдесят двухэтажных помещений в каждом. Замечу, кстати, что далеко не все эти помещения были заняты, очень многие пустовали.

Лэтеи загородили вход во все пять сквозных проходов. Я решил начать атаку сразу против всех пяти строев, ибо большой численный перевес опять-таки не имел значения в узком проходе. Я образовал пять колонн, над одной принял начальство сам, а четыре другие поручил Итчуу, Гуаро, Ксути и Мстеге; все пятеро двинулись одновременно.

Мне пришлось напасть на так называемый Северный проход. Его занимало не больше двадцати человек лэтеев, со мной же было человек сто пятьдесят. Но лэтеи встретили нас искусным строем и уверенно поражали мечами слишком отважных. Рабы далеко не все достали себе мечи, большинство было вооружено дубинами и камнями. Минут пять

продолжались наши стремительные натиски, но все они были отбиты. У лэтеев ни один не был даже ранен, а у нас пало человек десятеро. Рабы стали колебаться.

– Мятужники, – закричал тогда один из лэтеев, – неужели вы думаете одолеть лэтеев! Нам помогает Звезда! Ступайте вниз, разойдитесь. Может быть, мы еще помилуем вас.

Слова эти произвели сильнейшее впечатление на рабов. Они совершенно остановились.

– Вперед, друзья! Ударим еще раз! – уговаривал я.

– Назад! – громовым голосом крикнул вдруг Болло, выступая вперед. – Назад, рабы! Вниз! В свою залу! Повинуйтесь и исполняйте.

И вдруг привыкшие повиноваться и с детства подневольные эти жалкие существа, на миг было возгоревшиеся животной жаждой мести, дрогнули, отступили, сначала одни из них повернулись, потом другие, и весь отряд мой обратился в бегство перед грозными очами правителя.

– А этого берите – приказал Болло, указывая на меня.

Со мной оставалось не то двое, не то трое человек, решивших обороняться. Нас притиснули к парапету. Лэтеи окружили нас со всех сторон, их короткие мечи заблестели кругом меня. Рука моя немела, отбивая удары. Я чувствовал, что через мгновение все будет кончено. Но вдруг сзади лэтеев раздался дикий рев. В проходе, из которого они вышли, показались фигуры рабов. Отряд Гуаро прорвал ряды лэтеев, и теперь рабы зашли в тыл к лэтеям. Нападавшие на нас мгновенно были окружены. Болло что-то кричал, но его голос терялся в реве битвы. Вдруг Гуаро громадным прыжком подскочил к правителю, потрясая над головой стволом кокосового дерева.

– Прочь, раб! – прогремел Болло.

Но Гуаро завертел своей булавой так, что она засвистела, и обрушил ее на Болло. Правитель повалился без стога на землю. Рабы завопили с новым исступлением.

На террасе еще оставалось человек пятнадцать лэтеев. Они еще не теряли присутствия духа и, сомкнувшись, еще продолжали отбиваться от двух стен врагов. Снизу продолжали прибывать рабы, среди них были и воины моего отряда, опомнившиеся и снова готовые на борьбу. Я оставил схватку и бросился в Общую залу. Там кипело настоящее сражение. Здесь были сосредоточены главные силы лэтеев – человек двести. Итчуу и Мстега вели на них рабов, которых собралось человек пятьсот. Факелы не горели. Сквозь длинный проход проникали самые скудные обрывки света. Бой шел почти в полном мраке. В каменной зале слышался топот тысячи ног, бешеный рев бойцов, хрип и стоны умиравших, которых топтали живые; эхо десять раз повторяло эти звуки. В этом грохоте сражались почти без сознания, в животном исступлении, никакое руководство ходом битвы не было возможно.

Я стоял около входа в Северный проход и обдумывал позицию врагов. Лэтеи тылом

были обращены к двум проходам, которые вели в третий этаж. Следовательно, мне не было пути дальше. Я был по-прежнему отрезан от Сеаты. Я должен был ждать решения судьбы. Я проклинал себя, что ушел от нее, что оставил ее одну. Кто знает, что посмели сделать с ней враги.

Новые волны рабов прибывали в Залу. Я приказал принести факелы. Их мерцающий свет сделал картину боя еще более ужасной. Враг увидел врага в лицо. Друзья поняли, что они топчут друзей и братьев.

– Отбивайте их от проходов! – кричал я своим, хотя и знал, что мой голос слышать невозможно.

Вдруг произошло неожиданное. Сзади лэтеев заблестели еще чьи-то факелы. Явно было, что лэтеи дрогнули. С тыла на них напал новый враг. Это друзья царевны ударили на них из проходов третьего этажа. После этого маневра участь их была решена. Лэтеи могли сопротивляться, но не победить. Их рубили с обеих сторон. То была отвратительная бойня. Лэтеи отступили на середину Залы и отбивались от рабов, наступавших со всех

сторон. Один за другим падали ряды лэтеев. Но следующий ряд с прежним мужеством продолжал оборону. Исступленные рабы тоже забыли всякую осторожность, шли прямо на мечи, падали, а сзади набегали новые волны. Я не стал смотреть на довершение этого боя, я торопился к Сеате.

У входа в третий этаж стояла кучка приверженцев царицы Сеаты, человек тридцать, не больше. Среди них был и Латомати.

– Где царица? – спросил я.

Некоторое время мне не отвечали. Наконец Латомати сказал:

– Идемте все! Нам надо переговорить.

Мы все поднялись на третий этаж.

Ужасную картину представляла собой Звездная зала. В ней были собраны старики, женщины и дети. Старики лэтеи, их дочери, жены, их маленькие дети сидели на полу, жалась к стенам, ломали руки, рыдали. При нашем появлении слышались негодующие, подавленные крики:

– Изменники! Вы погубили страну.

– Молчите, лэтеи, – повелительно крикнул Латомати, – изменники вы! Вы посягнули

на свою царицу! Ваши предводители хотели убить ее. Мы же повиновались законам. Убиты те, которые стали недостойны имени лэте-ев. Нас осталось немного, но мы воссоздадим новое племя.

Кто-то крикнул:

– В союзе с рабами!

Латомати повысил голос:

– Рабов призывали не мы! Будьте спокойны, лэтеи. Когда пройдет первый взрыв, рабы опять покорятся. Знайте, кроме того, что в этой борьбе их убито больше, чем нас. Нам рабы не опасны. Только повинуйтесь, лэтеи!

Латомати держал себя как государь. Около входа в третий этаж он поставил стражу в восемь человек. Вход был очень узкий, и взять его было нелегко. Мы все остальные прошли в царскую комнату. Латомати не смотрел на меня и не говорил со мной. Царская комната была невелика. Стены ее были обложены малахитовыми плитами, изукрашенными алмазами. В углублении стоял трон из кованого золота. Два факела освещали [покой]. Кроме того, сквозь узкое окно в потолке врывались

лучи дневного света. На золотом троне сидела царица Сеата в царском венце и с царским мечом в руках. Все мы пали на колени, закрывая лицо руками, и под сводами восторженно прогремело приветственно: «Лэ!»

Царица приветствовала нас наклоном головы. Когда мы встали с колен, Латомати обратился к ней с речью:

– Приказание твое исполнено. Я напал с тылу на лэтеев, не признававших твоей власти. Мятежники получили наказание. Теперь предстоит нам озаботиться, чтобы жизнь приняла обычное течение, чтобы рабы вернулись к работе, а верные получили награду.

– Благодарю тебя, Латомати, – просто сказала царица и, переведя взор на меня, продолжала: – Благодарю и тебя. Толе! Без твоей помощи, без твоей находчивости я была бы теперь среди мертвых и похититель гордился бы моим венцом.

Сеата старалась говорить важно, сообразуясь со своим саном, но после первых же слов не выдержала тона и закончила гневно:

– Я знаю, знаю, что многие из моих приверженцев теперь остались бы в рядах моих врагов, если бы они не догадались, что победа будет за нами!.. Но довольно. Благодарю тебя. Толе.

Латомати, весь дрожа, сделал шаг к трону.

– Не следовало бы тебе, царица, говорить так, не подобает тебе оскорблять немногих своих приверженцев. Я осмелюсь сказать тебе истину. Царица! Не на благо нам привел рабов в глубь Горы этот неведомый чужеземец. Мы знаем из наших летописей, что в прошлом у нас бывали споры за трон, но все они решались борьбой лэтеев между собой. Никогда, о, никогда подлые рабы, жители нижнего этажа не смели вмешиваться в дела лэтеев. Ты скажешь, что у тебя было мало приверженцев и что чужеземец спас тебя. Это заблуждение, царица. Мало было у тебя приверженцев именно потому, что близ тебя видели этого чужестранца, человека без роду и племени, обманщика и мятежника, белого раба нашего...

– Остановись! – властно прервала его Сеата, вся бледная, привстав на троне. – Научись уважать того, кого ценит государь. Твоя сегодняшняя заслуга спасает тебя от моего гнева, но берегись!

Латомати не хотел молчать: весь дрожа, он готовился возразить царице. Еще мгновение,

и в спор вступил бы я, но в дверях показался вестник. Он пал на колени и возвестил:

– Царица! Предводители рабов хотят говорить с тобою.

Латомати пожал плечами.

– Гляди сама, до чего дошло. Рабы будут ставить тебе условия.

– Позволь мне, царица, – попросил я, – пойти и объясниться с ними. Я убежден, что здесь недоразумение и все уладится.

– Нет, – дерзко вскричал Латомати, – не тому вести переговоры, кто, быть может, сам изменник. Я пойду, царица.

– Я пойду сама, – сказала Сеата.

Она медленно спустилась с трона. Мы последовали за ней.

В Звездной зале по-прежнему томились сотни стариков, женщин и детей. Все заволновались, увидя царицу. Одни слабо прокричали «Лэ», другие резко отвернулись, слышны были и угрожающие крики: «Убийца! Ты погубила Гору!»

Сеата ни одним движением не показала, что слышит эти крики. Она прошла к входу в третий этаж, по-прежнему охранявшемуся

стражей. Стража по просьбе рабов впустила несколько человек из них, чтобы вести переговоры. Эти парламентареры держались гордо и самоуверенно. Их было четверо. Я узнал среди них Итчуу, другие три мне были мало знакомы.

– Я пришла благодарить вас, – начала Сеата на наречии бечуанов, – благодарить вас, верные слуги. Вы исполнили ваш долг. Теперь возвращайтесь к себе в Залу и ждите моих наград. Повинуйтесь.

Самый вид царицы в пышной одежде, с короной произвел на рабов сильнейшее впечатление. Трое из них во время речи Сеаты медленно опустились на колени и коснулись лбом пола. Но Итчуу остался стоять.

– Мы посланы от имени всего народа, – твердо сказал Итчуу, словно царица не говорила ничего, – сказать вам, что мы победили и что теперь Гора принадлежит нам. Но мы не хотим избивать вас до конца. Поэтому откройте нам проход. Наш царь Гуаро возьмет себе в жены царицу, мы все выберем себе жен среди всех этих женщин, и затем начнется на Горе новая жизнь. Так решил народ.

– Итчуу, – воскликнул я, не удержавшись, – ты забыл, на что мы шли? Наша цель была – добыть престол законной царице! Откуда явились у тебя такие замыслы?

– Ты сам высказал их мне, учитель.

Слова Итчуу звучали насмешкой. Другие трое, пришедшие с ним, приподнялись с колен.

– Слушай, Итчуу, – сказал я тихо и убедительно, – ты звал меня учителем, поучись же у меня теперь. Вы, рабы, неспособны управлять страной. Для этого мало победы. Вы погубите Гору, погубите не только науки и искусства, но и самую жизнь ее. И сами погибнете. Я это предвижу. Послушайтесь меня, вернитесь к себе, в свою Залу. Теперь начнется для вас новая жизнь. Верьте в милости царицы.

Итчуу язвительно улыбнулся.

– Я сказал тебе однажды, учитель, что ты тоже смертен. Теперь я скажу тебе, что ты тоже ошибаешься, да и лжешь иногда.

– Это позорная игра! – приказал Латомати. – Надо схватить этого шута и сечь его до смерти.

– Нет, – строго сказала царица, – он пришел добровольно, я его отпускаю. Ступай, мой друг. Мы не слушали твоих предложений и не можем их слушать. Если вы вернетесь к себе, мы о них забудем и будем помнить только о заслугах ваших. Если же вы действительно станете мятежниками, вы увидите, что с нами не так легко бороться, как с Болло. Ступай.

Четыре посла рабов при мертвом молчании всей Залы вступили в проход и исчезли во мраке лестницы.

Когда мы вернулись в Царскую Комнату, Латомати сжимал себе грудь, чтобы не кричать от негодования.

– Царица! – простонал он наконец. – То, что мы слышали, ужасно. Рабы грозят нам, рабы над нами смеются. Нет, полно. Пора покончить с этим. Нас около пятидесяти мужчин, я знаю точно. Мы последние лэтеи, но мы отстоим свое царство. Сегодня мы сойдем вниз к рабам и будем биться с ними, и, я клянусь, мы победим. Не могут свободные люди не одержать верха над рабами. Я клянусь, царица, ставлю жизнь свою как заклад. Но чтобы я взял на себя такую ответственность, я должен знать, за кого я борюсь. Я не хочу своей кровью добывать трон для неизвестного бродяги, хвастающегося, будто он прибыл со Звезды.

Он перевел дух и потом воскликнул звенящим голосом, так нежно, как я не ожидал от него:

– Сеата, слушай. Разве же не видишь ты, как мечтаю я о тебе, разве не заметила ты

давно-давно, что ты для меня все! И жизнь, и блаженство. Для тебя я сражался заодно с рабами, для тебя я рубил своих братьев лэте-ев, для тебя я погубил наше священное царство, Сеата! Мои предки тоже занимали трон. Я предлагаю тебе, Сеата, себя как помощника, как друга. Тебя околдовал этот проклятый чужеземец. Поверь мне, близкому тебе, прогони его, прогони его, позволь мне убить его... И я назову тебя своей женой, мы восторжествуем над рабами! Клянусь, мы восстановим Царство, начнем новый великий род среди Царей Горы.

Глубокое молчание наступило за речью Латомати. Слышен был даже отдаленный шум из других зал. И тихо, но ясно и твердо прозвучал ответ Сеаты:

– То, что ты говоришь, невозможно. Минуту назад другой человек предлагал мне быть его женой. Знай, я согласилась бы скорее на предложения царя рабов, чем на твое, Латомати.

Латомати хрипло крикнул, стиснул зубы и одно мгновение смотрел на царицу. Потом он обернулся ко мне своим воспаленным взо-

ром.

– Слушай же ты, безвестный бродяга! Я сегодня бранил тебя позорнейшими словами. Я сейчас повторяю тебе, что ты лжец и обманщик. Если есть в тебе капля благородства, ты выйдешь против меня на смертельный бой. Я вызываю тебя, я, Латомати, сын Талаэсто, потомок древних царей.

– Принимаю, – сказал я коротко.

– Толе, Толе, – нерешительно произнесла Сеата.

– Так должно, – холодно сказал я.

Лэтеи, бывшие в комнате, расступились. Сеата в трепете сошла с трона и прижалась к стене. Мы с Латомати остались вдвоем посреди Царской Залы. Мы двинулись друг на друга. У обоих у нас было обычное оружие лэтеев, короткий меч, по форме напоминающий эспадрону. В юности я хорошо владел эспадронами, но приемы фехтования на Горе еще далеко не все были мне известны. Латомати считался искуснейшим бойцом, и я принужден был только защищаться. Латомати яростно наступал на меня. Я отступал и наконец остановился у стены. Легкий стон вы-

рвался у Сеаты. Этот стон заставил меня затрепетать в таком волнении, какого я не знал уже долгие годы. Сильным ударом я отпарировал удар Латомати и перешел в нападение. За недолгое время нашего боя я уже ознакомился со всеми приемами Латомати, они были оригинальны, но однообразны. Теперь я, в свою очередь, поразил Латомати хитростями европейского искусства. Отступить пришлось уже ему, два раза он споткнулся, и я щадил ему жизнь. Опьяненный бешенством, он ринулся на меня, забыв всю осторожность. Я хотел с размаху выбить у него меч из руки, но он почему-то опустил руку, и мой удар пришелся ему прямо в висок. Черная кровь заklubилась, и юноша пал мертвый. Лэтеи закричали. Сеата кинулась ко мне. Наступило смятение. Кто-то нагнулся к Латомати, чтобы удостовериться, что он убит. Я еще не успел прийти в себя, как вдруг лэтеи, словно по уговору, один за другим стали уходить из комнаты... Один из них остановился в дверях и кинул Сеате:

– Царица! Ты не знаешь еще. В этот час жрецы проклинаят тебя в Области Тайн.

Через мгновение мы были одни, шаги уходящих замирали.

– Идите! Ступайте – крикнула Сеата не помня себя. – Мне вас не нужно. Прочь, венец! Гибни, Гора! Гибни, народ лэтеев!

Она сорвала с себя царский убор, она задыхалась.

– Мне остался ты. Толе, – простонала она уже со слезами. – Уйдем, убежим. Прочь от всего этого позорного и ненавистного. Я не жалею их тысячелетнее царство, оно стоило того, чтобы погибнуть. Не жалею царского сана, ибо царить над таким народом позорно. Я свободна. Толе, уводи меня.

Она не сознавала, что говорила, разум ее мутился. Поддержав ее, потому что она шаталась от утомления, я старался успокоить ее, образумить. Но внимание наше привлечено было странным шумом. Слышалось звяканье мечей и крики рабов. Я бросился туда, но в проходе со мной столкнулся со всего разбега Мстега.

– Господина – крикнул он. – Беги! Рабы в третьем этаже и идут убить тебя.

Я еще не успел понять, в чем дело, как сле-

дом за Мстегой показался великан Гуаро. Он потрясал все той же палицей. Мстега дико взвизгнул и ринулся на него.

– Беги! – крикнул он мне еще раз.

Великан был схвачен Мстегой поперек тела и на мгновение должен был остановиться. Но почти тотчас же он справился. Послышался лязг ломаемых костей. Гуаро поднял Мстегу на воздух и ударил его черепом о гранитный пол.

Этого мгновенного замедления было достаточно, чтобы спасти меня. Я был уже опять около Сеаты. Комната царицы была одна из немногих, у которых вместо дверей служил тяжелый камень, вращающийся на шарнире. Мы задвинули вход в то самое мгновение, когда Гуаро добежал до него. За камнем слышался злобный вой обманувшихся врагов.

– А! Мы опять спасены! – восторженно крикнула мне Сеата.

– Мы в тюрьме, – отвечал я спокойно, – в тюрьме, где нет ни пищи, ни питья.

Я отвел изнемогающую Сеату к трону. Но вдруг с тихим визгом повернулся другой

шарнир в стене около трона, где я и не подозревал двери. В открывшемся проходе стоял верховный жрец.

Мы были подавлены сменой впечатлений. Мы не имели сил ни трепетать, ни удивляться. Верховный жрец окинул нас спокойным взглядом. Мы смотрели на него тоже безмолвно. За стеной слышалось рычание толпы.

Наконец голосом суровым и властным жрец сказал Сеате:

– Царица! Великий час пришел.

И вдруг Сеата вся задрожала, словно в припадке, словно былинка под сильным ветром. Она вскрикнула:

– Нет, отец мой, нет!

– Царица! Великий час пришел, – повторил верховный жрец.

Столь же внезапно к Сеате вернулась бодрость.

– Ну что ж, – сказала она, как-то странно устремляя глаза ввысь, не глядя ни на кого. – Не сама ли я желала того. Лучше великий час отчаянья и гибели, чем медленные часы томленья. Я готова, отец мой.

– Иди за мной, – сказал жрец и медленно

указал ей на узкую лестницу, по которой сам сошел к нам.

Царица пошла к нему, я сделал несколько шагов за ней.

– Пусть чужеземец останется здесь, – сказал жрец. – То, что нам предстоит видеть, не для взоров непосвященных.

– Нет! – твердо возразила Сеата. – Он пойдет со мной. Я единственная из царского рода. Так я могу выполнить волю Звезды. Вам нельзя выбирать. Если пойду я, и он пойдет со мной.

Жрец не возражал больше. По узкой лестнице прямо из Царской Комнаты мы поднялись в четвертый этаж, в музеи и библиотеки. Сюда еще не проникли рабы. Статуи стояли еще неприкосновенными, как провели они двадцать столетий. Мирно дремали в углублении стен свитки – книги с летописями, величественными поэмами и страстными стихами о любви.

Из Музея камней, где собраны были величайшие в мире богатства, мы стали подниматься в пятый этаж, в Область Тайны, куда я шел впервые. Но во мне не было любопыт-

ства. Моя душа была полна одним чувством – тревогой за Сеату. Она уверенно и гордо шла за старцем.

Мы вступили в храм лэтеев. То был круглый покой с куполом. И этот гладкий купол и стены были выложены полированным золотом, в котором сотни раз повторялся свет факелов и где вновь и вновь встречали мы свое отражение. Никаких статуй и украшений в храме не было. Только по всему полу был сделан широкий желоб, по которому медленно катился большой золотой шар, подчиняясь какой-то непонятной мне силе.

В зале на четырех золотых ложах сидели четверо жрецов. Их помощник-мальчик стоял около. Когда верховный жрец вступил в храм, все встали.

– Великий час настал, – сказал он им.

Все пали на колени, закрыли глаза руками и повторили с ужасом:

– Настал великий час! Великий час!

Верховный жрец обратился к Сеате строго и властно:

– Дочь моя, кто были твои предки?

– Я из племени царей, – отвечала Сеата.

– Великий час настал. Знаешь ли ты, что должна делать!

– Знаю, отец мой.

– Иди же. Ты гордыней своей низвергла в бездну Царство Горы; за это сегодня мы произнесли на тебя проклятие. Но ты исполнишь волю Звезды, и я благословлю тебя.

Сеата наклонила голову, закрыв глаза рукой.

– Вступи, царица, в Покой Великой Тайны.

Потайная дверь открыла в стене отверстие, мы вошли. Эта новая [комната] была очень небольшой, шагов в двадцать в длину и ширину. Стены ее были без всякого убранства, серокаменные. Свет падал из широкого окна. У одной стены стояло каменное ложе. Посреди комнаты стоял челнок странной формы. Нигде до сих пор в стране Звезды не видал я лодок, так как здесь не было ни значительных озер, ни рек.

Но что было самым дивным в этой комнате – это левая, восточная стена ее. У этой стены во всю ее вышину стояла мумия. Она не была одета. К выпирающим костям плотно прилегали иссохшие мускулы, обтяну-

тые пожелтевшей кожей. Но это не была человеческая мумия. Я не знаю, что это было за существо. Голова его была небольшая, с двумя совершенно рядом поставленными глазами, [...] они сохраняли свой цвет и свою форму, словно глядели пристально. Костянистое тело было широко, напоминало несколько строением колокол. И кончалось целым рядом конечностей, руки были скорее крыльями, потому что на них я заметил перепонки. Наконец, все это кончалось как бы рыбьим хвостом, а может быть, рулем, чтобы забирать воздух во время полета.

Пока я смотрел, окаменев от изумления, жрец, приведший нас, исчез. Потайная дверь замкнулась. Мы были с Сеатой вдвоем.

– Кто это? – хрипло спросил я, указывая на мумию.

– Это он, – тихо ответила царица, – тот, кого мы почитаем. Он первый царь наш и вечный наш владыка. Прости меня, господин мой! Но я верю, ты сам хотел того. – Она поклонилась мумии.

– Сеата, но человек ли это? – опять спросил я.

– Он больше чем человек, – ответила Сеата еще тише. – Да! Есть другие миры, мой Толе! Есть высшие существа.

Она смотрела на меня восторженно...

Тогда невыразимый стыд сдавил мое сердце. Я вдруг отступил от Сеаты. Мне подумалось, что я краду ее милость.

– Царица, – с трудом выговорил я, – отвернись от меня, царица. Я недостойн твоего взора. Я лгал вам всем, и тебе я лгал. Я вовсе не житель Звезды. Я, как ты, родился здесь, на Земле.

Широко открыв глаза, еще не понимая, царица отшатнулась от меня, как от призрака.

– Да, – продолжал я угрюмо, – я не житель Звезды и не сын царя. Я бездомный скиталец, которого дома презирают, который убежал в пустыню от насмешек. Все время я обманывал тебя.

Ответ царицы был скорее угадан, чем услышан мною.

– Ах, Толе! Разбита прекрасная мечта, яркая надежда! Так близок был ко мне иной мир, не мир Земли. [...] А теперь, теперь я снова приговорена навеки... Бедные крылья сломаны.

Потом, взглянув на меня со слабой улыб-

кой, Сеата добавила громче:

– Но ты не грусти, мой Толе. Разве я в тебе любила только жителя Звезды? Ты был дорог мне как учитель. Ты дал мне понять, что я только угадывала. Что может быть иная жизнь, что не все кончается на этой Горе, что не вся мудрость у наших мудрецов, не вся правда – то, чему учили нас старики... Я, как прежде, люблю тебя, Толе. Грусть эта только моя.

Но голос ее был надтреснутым. Я попытался ободрить ее:

– Царица! Я позорно лгал, говоря, что прибыл со Звезды. Но я говорил тебе великую правду об иной жизни, о человечестве, которое ждет тебя. Ты увидишь все те чудеса, о которых я говорил, будто они на моей Звезде. Увидишь, если мы спасемся...

– Может быть, мы спасемся, Толе, – грустно молвила Сеата, – но меня не утешат твои чудеса. Что мне в том, что они чудеса, если они здесь, на Земле! Если их создали люди, такие же, как я! Если есть границы моему миру! Нам сказано: до сих пор это твое, а дальше мы не смеем. О! Толе! Толе! В этом-то ужас.

Она ломала руки. Я мог многое возразить ей, но молчал, не смел говорить. Но вот она встала с видом пророчицы.

– Идем! Как бы то ни было, теперь больше чем когда-либо должно исполнить волю Звезды. Идем!

За ложем была еще одна потайная дверь и узкая извивающаяся лестница. Скользя во мраке, мы поднялись на круглую площадку, которой заканчивалась Гора Звезды.

Была безлунная ночь. Во мгле не было видно ни долины, ни террас. Ни звука не доносилось снизу. Мы были словно одни во всем мире. Среди крупных тропических звезд ярко сверкала красная звезда Марса. К ней простерла свои мраморные руки Сеата.

– Звезда! Священная Звезда! Ныне исполняю твою волю. Ты царица на этой Горе. Пришел час истребить твое царство. Свое возьми себе, нам же оставь наши горести.

Потом, обращаясь ко мне, Сеата добавила:

– Я верю, да! Я верю, что у нас есть связь с нашей Звездой. Ты не прибыл к нам со Звезды, но я чувствую, что мольбы и пение могут достигать до Звезды, [...] что оттуда к нам до-

ходят голоса. Я слышу! Я слышу зов! Я иду к тебе. Звезда! Иду! Иду! – Она воскликнула последние слова в самозабвении и как лунатик шла к сверкающей Звезде. Я удержал Сеату на краю обрыва. Она очнулась.

– Ах, Толе, мне послышался зов, будто Звезда меня звала. Могла она звать? Как ты думаешь? Веришь ты этому?

– Я всему верю, чему веришь ты, – отвечал я, плача и целуя ее платье.

Сеата подумала секунду, потом сказала опять твердым голосом:

– Здесь на середине стоит золотой шар. Его должно сбросить вниз.

– Сеата, но это страшная тяжесть, это не под силу одному человеку.

– Толе! Ты умен, поищи, постарайся.

Царица села над обрывом, опустив ноги в пропасть, и задумалась. Я подступил к шару. В нем было с виду пудов... Скоро я ощупью нашел, что ось его составляет металлический стержень, который можно вынуть. Так у меня оказалось в руках орудие. Я старался, действуя им как ломом, приподнять шар. Это мне не удавалось. Потом заметил я, что некото-

рые камни на площадке легко вынимаются. Я начал делать скат для шара. Работа подвигалась быстро. Наконец я решился упереться в шар. Он неожиданно легко поддался. Я едва устоял на ногах, а страшная тяжесть покати-лась сначала по площадке, потом подпрыгну-ла с края, и загрохотал страшный раскат от ее удара о крепкую стену Горы. Удар повторился еще дважды, и долго замирали отзвуки.

– Свершилось, – торжественно сказала Сеата. – Вернемся.

Я повиновался Сеате как существу выше-му.

Мы опять спустились в комнату с ладьей. Сеата нашла где-то кружку воды и немного маису, видимо, приготовленного для нас. Я был очень голоден, но Сеата почти не прикоснулась к пище. Порывы бодрости сменя-лись у нее полным бессилием. Когда я подо-шел к ней, она что-то шептала. Я взял ее за ру-ку – рука была холодна и дрожала.

– Ты больна, Сеата. Ты должна лечь отдох-нуть.

Она повиновалась и поникла на каменное ложе. Почти тотчас глаза ее закрылись: то

был свинцовый сон. Я благоговейно прикоснулся губами к ее бледному челу, взял факел и вышел потайной дверью вниз, в другие этажи горы.

Я предчувствовал гибель, я хотел последний раз осмотреть Гору, эту дивную Гору, у вершины которой хранится скелет странного существа. Был ли прав старый помещанный ученый, умерший в степях Африки? Создание ли это дерзких беглецов из другого мира? И, проходя опять по переходам лестницы, я мог только дивиться на это создание. Вся Гора изрезана, изрыта залами, комнатами и проходами сверху донизу. Иные залы были выше сорока саженей, громадные арки поддерживали тяжелые своды, переходы шли уверенно, не сбиваясь с принятого направления; нигде не заметно было никакого промаха; я встречал статуи, высеченные из самой скалы, составлявшие одно с полом, так что для них оставляли глыбу, когда пробивали самую залу. Я готов был верить, что этот лабиринт был создан по единому плану великого зодчего, во власти которого были целые века и миллионы работников. Я прошел по Области Тайны. Все было там нетронуто. Золотой шар с тихим шумом продолжал катиться

по золотому желобу, как катился, может быть, много столетий. Пять старцев и пять отроков лежали, простертые на полу. Я нагнулся к ним. Они были мертвы, тепло медленно покидало их тела...

Осторожно стал я спускаться в Царский этаж. Там я мог повстречать рабов. Но все было тихо. Я прошел средней витой лестницей и сразу вступил в Звездную залу. Она была также изуродована; изображения Солнца и Луны сорваны со стены, и их пустые впадины зияли, как свежие раны. Но потолок был слишком высок, и при свете моего факела за сверкало искусственное звездное небо – загорелся Южный Крест, красным светом загорелась священная Звезда. Тихие стоны вспугнули меня, когда я сделал несколько шагов вперед. Я увидел, что пол был устлан телами. То были лэтеи, павшие в последней схватке с рабами. Но еще больше валялось рабов, разрубленных лэтейскими мечами. Где-то были еще живые, только раненные, потому что я слышал зов. Я стал искать, скользя в лужах крови. Скоро я наткнулся на тело Итчуу. Юноша был убит наповал. Голова срублена до поло-

вины. Подальше у стены была целая гряда женских тел.

Я уже дошел опять до середины залы, когда один из лежавших вдруг узнал меня и окликнул:

– Чужеземец!

Я остановился. Из груды тел привстал старик с седыми, но окровавленными волосами. Он смотрел на меня огненным взглядом.

– Чужеземец! Зачем вернулся ты сюда? Ты ищешь проклятий, ты хочешь, чтобы все мертвецы кричали тебе голосом бури: проклят, проклят! Нет! Ты этого не услышишь. Я иное скажу тебе. Не ты погубил Гору, ты не был бы в силах сделать это. Сама Звезда решила, что [наступил] ее последний час. Слышишь, сама Звезда. И потому мы тебя прощаем.

Проговорив эти слова, старик опять откинулся навзничь. Я слушал его слова, окаменев от ужаса, дикий бред уже готов был овладеть мной: по слову старика мне уже казалось, что мертвецы кругом действительно приподнимаются, встают, говорят мне... Страшным усилием воли я овладел собой и хотел подойти

к старику, чтобы чем-нибудь помочь ему. Но вдруг я ясно почувствовал, что почва под моими ногами заколебалась.

От первого толчка я устоял. Но второй удар землетрясения был так силен, что я упал в лужу крови, и факел мой погас. Затем началось равномерное качание пола. Тела, лежавшие кругом меня, зашевелились как живые. Я был во мраке средидвигающихся мертвецов. Ужас оледенил мое лицо, сердце перестало биться.

Я полз среди груды тел, я ощупью искал до рогу. Я терял сознание. Наконец я нащупал вход наверх. Я бросился бежать по скользким ступеням. Я пробежал в полном мраке через комнаты музеев; я остановился только около трупов жрецов, освещенных стоявшим здесь факелом. Тут я пришел в себя. Но я не мог отдать себе отчета в своих мыслях. То было страдание к умирающим там, во тьме, одинокими, то был ужас и содрогание перед всем, что я сейчас испытал, то было смятение всех чувств. А пол продолжал качаться под моими ногами.

Я взял факел, освещавший мертвых жре-

цов, и пошел к Сеате. Она спала.

Я вышел на площадку Горы. Взошла луна в половину четверти. При слабом свете ее смутно увидел я что-то необъяснимое. На том пространстве, которое должна была занимать долина, странно сверкала полоса лунного света, словно под нами была водная гладь. Я долго смотрел на переливы света в волнах, потом я сошел на верхние ступени лестницы и, опустившись на них, тотчас заснул.

Мне снилось, что я еще раб в стране Звезды, что я бежал, проник в подземные проходы Горы и пробираюсь по ним, ища выхода. Переходы кружили, извивались, убегали все дальше, и не было им конца. Присосавшись к стенам, ждали здесь меня какие-то громадные слизняки, которые тянули ко мне липкие руки. Я отбивался от них. Когда наконец я совсем изнемог, подземелье вдруг кончилось. Мне глянул в очи океан. Я упал на гранитный выступ, а передо мной расстиралось безграничное водное пространство; луч луны играл на волнах; вал за валом разбивался о каменный берег, и страшен был гул набегающей пучины.

И в эту минуту подумалось мне, что я ушел из страны Звезды навсегда, что мне больше нет пути назад, что больше я не увижу Сеаты никогда, никогда! Эта мысль сковала меня невыносимым ужасом; я молил небо об одном – умереть, не быть, чтобы только не испытывать этих мучений... Но солнечный луч вдруг ударил прямо мне в лицо, и я проснулся

на острых ступеньках лестницы. Первое, что охватило меня, было чувство безмерного счастья, блаженство от сознания, что Сеата близко, что она со мной, что я увижу ее. Но в то же мгновение меня поразило, что рев набегающей пучины не смолк, и после пробуждения я бросился наверх.

Гора медленно, но явственно опускалась. Я ощущал сотрясение площадки. Я видел, что отдаленные края котловины как бы поднимались вверх. Внизу же вместо долины, вместо лесов, полей и всей этой пышной карты растилалась серая, волнующаяся водная гладь. Пенистые волны ходили и качались везде, куда достигал глаз. Какие-то жерла разверзлись за ночь, какие-то потоки хлынули из недр земли, и вот вся котловина была уже затоплена наполовину. Море поглощало Гору. Гора погружалась в море. Седые гребни волн уже плескались о террасу третьего этажа. Пока я стоял в оцепенении со взором, прикованным к невероятному зрелищу, на площадке показалась Сеата, бледная, утомленная, но с горящим взором. В ней ничего не было земного, словно она уже не принадлежала этому миру.

– Это Тайна Горы, – вдохновенным голосом сказала она мне, не ожидая вопроса. – Вода поглотила всю страну; вода, служившая гробом для предков, смывает и все создания веков, поверья прошлого и записи о грядущем. Ты вызвал к жизни эту силу, дремавшую в оковах. Вода будет на месте моей страны, а мы... У нас есть возможность пережить ее.

До нас смутно долетали стоны. Рабы так и не нашли прохода, ведущего в четвертый этаж. Потому никого из них не было на четвертой террасе, она была пуста. Зато весь народ рабов теснился, жался на третьей террасе, уже омываемой волнами. От нас это было на расстоянии почти трехсот саженьей, и нам трудно было следить за ними.

Рабы были в паническом страхе. Они почти не двигались. Вся толпа – тысячи в три человек – стояла неподвижно, обернувшись к воде, и смотрела, как волны наступали на нее. Изредка у всех у них вырывался нечеловеческий вопль, доносившийся до нас слабым стоном. Вот вода перехлестнула через парапет. Рабы стали погружаться в губительную стихию. Я не знал, что сделать, я хотел

бежать к ним, указать им путь к нам, я что-то говорил Сеате. Но она остановила меня, властно положив мне руку на плечо.

– Останься здесь. Если бы ты и привел их сюда, все равно их гибель была бы неотвратима. Челнок сделан лишь для двоих, ибо Звезда знала, что нас будет двое. Не пытайся бороться с велениями Звезды, мы слишком ничтожны, наша участь – покориться.

Я упал ничком у края площадки и впился взором в ужасающую трагедию, совершающуюся где-то в глубине. Вода подступила к груди рабов, постепенно поглощая их. Матери поднимали грудных детей над головой, более сильные в животном ужасе взбирались на плечи других, иные пытались взобраться вверх по гладкой стене, но тотчас обрывались, некоторые, обезумев, бросались сами в пучину. Вода повышалась со стремительной быстротой. Я видел, как волны стали окатывать головы самых высоких. Я видел мгновение, когда поднятая рука исчезла в пене прибоя. На поверхности виднелось несколько тел, боровшихся еще со смертью. Но никто из погибающих не умел плавать. Через

несколько минут все было кончено. Ничто постороннее не нарушало более серой пенистой глади.

Когда я приподнялся, помертвелый от ужаса, Сеата все еще стояла в прежнем положении со взором, устремленным куда-то вдаль, прочь от земли.

– Все кончено, – хрипло сказал я.

Сеата обратилась ко мне.

– Мой милый, – промолвила она, впервые называя меня так, – надо принести сюда челнок.

Я повиновался.

Гора опускалась медленно. В полдень исчезла под волнами терраса третьего этажа. Солнце уже клонилось к горизонту, когда волны дошли до края котловины. В то же время и вершина Горы уже почти касалась поверхности воды. За этот день мы едва ли обменялись с Сеатой десятком слов. Она сидела на груде камней, выбитых мной вчера из площадки, и загадочным взором смотрела на водную поверхность. Иногда мне казалось, что она наслаждалась этим новым для нее зрелищем. Иногда я начинал понимать, что за безумная тоска давит ей сердце.

Я работал над лодкой, сколько мог приспособивая ее для путешествия. На Сеату смотрел я даже с некоторой робостью. Однажды я сказал ей, утешая ее:

– Мы скоро увидим с тобой новую землю и новое человечество. Думай о будущем.

Она ответила мне:

– Мы с тобой величайшие убийцы на земле.

Я содрогнулся.

В другой раз мне пришла странная мысль в голову, и я опять обратился к ней:

– Сеата, а как ты думаешь, не могли кто-нибудь из рабов проникнуть в Царство Тайны? Может быть, они еще и теперь таятся там. Не пойти ли к ним?

Сеата холодно посмотрела на меня и сказала:

– Нет, надо, чтобы они погибли все.

И я содрогнулся снова.

Когда вода подошла к нам на расстояние двух саженей, я спустил лодку в море: я боялся водоворота, который должен был бы возникнуть, когда пик Горы погрузится в пучину. Лодка веревками была привязана к камням, бывшим на середине площадки. По этим веревкам я спустился в лодку и ждал. Когда расстояние между лодкой и площадкой еще уменьшилось, я быстро помог сойти Сеате, перерубил веревки своим лэтейским мечом, оттолкнулся от стены и всей силой налег на весла, спеша уйти от тонущей Горы.

Через несколько минут вершина Горы с каким-то свистом погрузилась в пучину. Некоторое время мне приходилось бороться

с волнами водоворота, но наконец мы могли считать себя в безопасности, и я огляделся.

Котловины уже не существовало. Вода перелилась через край и затопляла Проклятую пустыню, не переставая прибывать, грозя превратить всю Африку в дно морское. Течение несло нас от центра, и весла были не нужны.

Я посмотрел на Сеату, Сеата смотрела на меня.

– Мой милый, – сказала она мне, – нас двое во всем мире. Мы первые люди и последние люди. С нами кончается жизнь Земли. Нам надо умереть.

Я пытался ее успокоить:

– Земля велика еще. Есть много-много людей в мире. Ты найдешь новую родину, ты найдешь то, что искала.

Сеата молчала, устремив взор за нашу корму, туда, где возвышалось недавно Царство Горы. Теперь со всех сторон от нас, куда только хватал взор, были небо и вода. Яркое-красное солнце закатилось в обагрившиеся волны. Настала ночь и прохлада. Я хотел подкрепить силы. С нами было очень немного май-

су, но совсем не было воды. Со страхом и горестным предчувствием зачерпнул я воду за бортом. Увы! Худшие предчувствия исполнились. Вода была горько-соленая, негодная для питья, поистине морская.

Весь ужас нашего положения ясно представился мне. Предстояло проехать или снова пройти всю ту же Проклятую пустыню, по которой мы шли с Мстегой, почти не имея ни малейшего запаса воды. Я ничего не сказал Сеате, но она все поняла.

– Не пугайся, милый, – сказала она, – для меня теперь ясно, что все создано волей Звезды. Я прежде смеялась над суевериями отцов, но теперь понимаю, как была я безумна. Позволь мне принести мольбу Звезде.

Она стала на колени, обратив свое лицо к Красной Звезде. И я тоже преклонил колени рядом с ней, молился впервые после многих и многих лет. И в молчании пустыни наш утлый челнок уносил нас в неведомую даль...

Ночью я греб, направляясь по звездам. Под утро утомление одолело меня. Проснувшись, я увидел, что Сеата лежит на дне лодки с закрытыми глазами. В испуге я наклонился к ней. Она взглянула на меня и слабо улыбнулась.

– Я очень слаба, мой милый, – сказала она мне, – мне кажется, это смерть.

Я был так потрясен последними днями, что эти слова не ужаснули меня. Только слезы полились из моих глаз. Я прикоснулся губами к ее руке.

Не лишения, не трудности пути губили Сеату. Зной также не был силен, так как воздух был полон водяными парами. В полдень мне удалось поймать орла, спасшегося от потопа, но теперь упавшего в воду. На время мы были спасены от голодной смерти, могли даже утолить жажду его свежей кровью. Но Сеата не хотела ни пить, ни есть. Внутренняя скорбь убивала ее. Днем я продолжал грести, придерживаясь того направления, которое я дал лодке с вечера, но далеко не был убежден,

что мы плывем верно. Разве можно было определить направление в этом океане без берегов? Вода перестала прибывать. Волнение утихло. Сквозь прояснившуюся воду мне было видно дно – поверхность каменистой пустыни. Глубина нового моря была всего аршина полтора. Я мог достать веслом до солончака. Весь день Сеата лежала как в забытии. Несколько раз я смачивал ей губы кровью убитой птицы, но, приходя в себя, она не хотела пить. К вечеру она совсем очнулась и позвала меня:

– Мой милый! Мой дорогой! Нам осталось немного говорить с тобой. Я умираю.

– Сеата! Полно! – в тоске сказала я. – Зачем же умирать? Разве ты не хочешь увидеть мою землю, моих братьев?

– Полно, друг! Это несбыточная мечта. Я и не могла бы жить без моей страны, после гибели моего народа. Теперь я признаюсь тебе во многом, в чем не решалась сознаться и себе. Напрасно мечтала я о других мирах, моя душа все же была прикована к этому. Я очень любила свою страну как родину, как родную землю. Я очень любила тебя. Толе, очень,

как мужа. Скажи же мне еще раз, что ты меня любишь, что ты не льстил бывшей чужеземной царевне. Скажи, чтобы я умерла счастливой.

Я припал губами к ее рукам, я шептал ей, что, теряя ее, я теряю больше, чем жизнь.

Она улыбнулась своей обычной тихой улыбкой и сказала:

– Нет, ты не виновен в гибели Горы. То Звезда отомстила лэтеям за рабов, а рабам – за лэтеев. Та же Звезда послала мне тебя. То-ле, чтобы я поняла себя, а тебе – меня, твою царевну, твою Сеату, чтобы и ты воскрес к жизни. Помни меня, а я благословляю тебя для жизни.

– Сеата! – с полным отчаянием воскликнул я. – Разве для меня будет жизнь без тебя?! Ради меня, ради души моей, не уходи, будь со мной, останься.

В слезах я целовал ее холодеющие пальцы, она уже не могла говорить, и только тихая улыбка сохранилась на ее побледневших устах. Потом она устремила взор к за вечеревшему небу, и душа ее отлетела из мира земли, которым она так тяготилась при жизни.

В тот же час, как Сеата умерла, я вдруг понял всю безмерность своей любви к ней. Мне сразу как в блеске молнии представились два существа – я до этой любви и я, воскрешенный любовью. И я понял, что это два разных человека. Я рыдал, как [осужденный], я хотел бы воскресить ее хоть на время, на одно мгновение, чтобы досказать ей все, что не успел выразить при жизни. В бешенстве я проклинал себя за потерянные дни и часы, в которые можно было передать так много!

Мысль об ужасном будущем пронеслась в моей голове. С дикой решимостью я схватил дорогое мне тело, прикоснулся к нему последним поцелуем и медленно опустил его за борт. Я произнес несколько молитвенных слов над этим местом, не обозначенным никаким памятником. Потом сильным ударом весла я удалился оттуда.

Почти тотчас раскаянье овладело мной, во мне воскресло страстное желание видеть ее, целовать ее хотя бы и безжизненные руки, говорить с ней. Я начал грести назад, среди мрака наступившей ночи я искал ее тело, я без устали работал веслами, плыл взад

и вперед, тщетно всматриваясь в почерневшую воду. Но мне не суждено было найти дорогой могилы.

Взошло солнце, и я увидел себя все за теми же безумными поисками. Я не знал, куда уплыл я, долго ли блуждаю. Тогда в порыве нового отчаяния я отбросил весла прочь от себя в эту спокойную безответную воду и распростерся на дне челнока, на том самом месте, где лежала Сеата, целовал те доски, к которым она прикасалась. Неожиданно возникший ветер развевал мои волосы, но я не обращал на него внимания. Мне было все равно, куда влечется моя ладья.

Так прошел день, и настала новая ночь, и краски новой зари проглянули, прогорели и погасли [на востоке]. Я смутно понимал течение времени. Я был снова во власти бреда и диких грез, то отвратительно-мучительных, то несказанно блаженных, потому что в них мне являлась снова моя царица Сеата. И весь мир был не нужен мне.

Заключение

Грубое морщинистое лицо старухи негритянки и ее иссохшие руки – вот было первое, что я увидел, когда очнулся. Челнок мой прижало ветром к краю озера, образовавшегося на месте Проклятой пустыни, и выбросило на траву. Меня подобрало кочевавшее здесь племя бечуанов. Обо мне заботились и, как умели, лечили. Много дней пролежал я в горячке и, очнувшись, был так слаб, что не мог шевелиться. Добрые бечуаны кормили меня сушеным мясом и поили водой из скорлупки страусовых яиц. Только через две недели встал я на ноги и лишь через месяц мог выйти за пределы деревни.

Первую свою прогулку я совершил по направлению к Горе Звезды. Вновь образовавшееся озеро уже отхлынуло, и на месте прежней каменистой степи простиралась равнина, покрытая илом, кое-где начинавшая порастать первым мохом и робкой травой. Ясно было, что впоследствии здесь образуется степь и появится жизнь. Пальмы вырастут над могилой Сеаты. Напрягая зрение, я всмат-

ривался вдаль, но силуэт конусообразной Горы уже не рисовался на фоне ясного утреннего неба.

С трудом оторвав глаза от дали, повернул я к ближнему леску. Трава шелестела под моими ногами, попугаи испуганно перескакивали с ветки на ветку. Мне вздумалось испытать, изменила ли мне рука. Со мной был бечуанский лук, которым прежде я свободно владел. Прицелившись, я спустил тетиву, стрела простонала, и попугай, как бывало, повалился с ветки на берег ручья. С несчастной улыбкой пошел я за бесполезно убитой птицей. Да! Немного изменилось во мне, только сердце стало живым и страдающим.

Я нагнулся, чтобы поднять попугая, и увидел свое отражение в зеркале ручья. Длинные волосы по-прежнему смело падали мне на лоб, на шею, но они сверкали, как серебро. На меня из ручья смотрело лицо еще молодого человека, но с уже совершенно седой головой.

Еще печальнее улыбнулся я. Прошлая жизнь была погребена под этим снегом, а в новую я не верил. Подняв убитого попугая,

я побрел в крааль друзей моих бечуанов.
Больше мне некуда было идти.

Сноски

Мози-оа❖Тунья – водопад в Эфиопии.

[^^^]

Язык одной из многочисленных народностей – кафов, живущих в юго-западной Эфиопии.

[^^^]